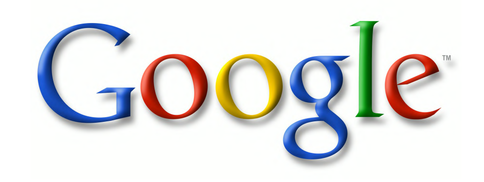


STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARY

161

СОЧИНЕНІЯ
ДЕРЖАВИНА.

Derzhavin, G. R.
//

СОЧИНЕНІЯ

ДЕРЖАВИНА.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АЛЕКСАНДРА СМИРДИНА.

1834.

HK

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра.

С. Петербургъ, 15 Іюля 1833 года.

Цензоръ, А. Никитенко.

Изданіе книгопродавца Александра Смирдина.

СОЧИНЕНІЯ ДЕРЖАВИНА.

I.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Царь жила была Дѣвица,
— Шепчетъ Русска старина —
Будто солнце свѣтлолица,
Будто тихая весна;

Очи свѣтлы, голубыя;
Брови черныя дугой,
Огнь — уста, власы — злашые,
Грудь — какъ лебедь бѣлизной;

Въ жилкахъ рукъ ея пуховыхъ,
Какъ эѳиръ, струилась кровь;
Между розъ, зубовъ перловыхъ,
Усмѣхалася любовь.

Родилась она въ сорочкѣ,
Самой счастливой порой,

Ни въ полудни, ни въ полночкѣ, —
Алой, утренней зарей.

Кочетъ хлопалъ на нашестѣ
Крыльями, крича сто разъ:
»Сѣверной звѣзды на свѣтѣ
Нѣтъ прекраснѣй, какъ у насъ.«

Маковка злата церковна
Какъ горитъ средь красныхъ дней,
Такъ священная корона
Мило теплилась на ней,

И вливала чувство тайно —
Съ страхомъ чтить ее, дивясь;
Къ ней прійти необычайно
Было, не перекрестясь.

На нее смотрѣть не смѣли
И великіе Цари:
За рѣшеткою сидѣли
На часахъ богатыри;

И Полканы всюду чудны
Домъ стерегли ея и тронъ;
Съ колоколенъ самогудный
Слышался и ночью звонъ;

Теремъ былъ ея украшенъ
Въ солнцахъ, въ мѣсяцахъ, въ звѣздахъ;
Отливались блески съ башенъ
Во осьми ея моряхъ;

Въ рощахъ злачныхъ, въ лукоморьѣ
Въявь гуляла и въ саду,
Лѣтомъ въ лодочкѣ на взморьѣ,
На санкахъ зимой по льду.

Конь подъ ней, какъ вихрь, крутится,
Чувъ Дѣвицу - ѣздока;
Полкъ за нею Нимфъ тащился
По слѣдамъ издалека.

Козъ и зайцевъ быстроногихъ
Страсть была ея гонять,
Гладить ланей златорогихъ,
И деревъ подъ тѣнью спать.

Ей ни мошки не мѣшали,
Ни кузнечики дремать;
Тихо вѣтерки порхали,
Чтобъ ее лишь обвѣвать.

И по вѣткамъ птички райски
Скакивалъ заморскій котъ,
Пѣли соловьи Китайски
И жужукалъ водометъ.

Стратно стоя, няньки, мамки
Одаль смѣли чуть дышать,
И бояръ къ ней спозаранки
Въ спальню съ дѣломъ допущать.

Съ ними такъ она [illegible];
Какъ изъ облакъ божество;

Лежа, Царствомъ управляла,
Ихъ журя за шаловство.

Иногда же и тазала
Не однимъ ужь язычкомъ:
Если больно разсерчала,
То по кудрямъ башмачкомъ.

Всѣ они Царя-Дѣвицы
Такъ боялись, какъ огня;
Крыли, пряшали ихъ лицы
Отъ малѣйшаго пятна,

И безъ памяти любили,
Что безхитростна была;
Ей неправдъ не говорили,
Что сама имъ не лгала.

Шила ризы золотыя,
Сплошь низала жемчугомъ;
Маслила брады сѣдыя
И не ссорилась съ умомъ.

Жить давала всѣмъ въ раздольѣ:
Плавали, какъ въ маслѣ сыръ;
Ѣздила на богомолье, —
Божествомъ ее всякъ чтилъ.

Всѣ поля ея златились
И шумѣли подъ серпомъ,

Тучныя стада водились,
Горы капали сребромъ.

Слава добраго правленья
Разливалась всюду въ свѣтъ;
Всѣ кричали съ восхищенья,
Что ея мудрѣе нѣтъ.

Стиходѣи ту жь бряцали
И на гусляхъ милу ложь;
Въ царствахъ иныхъ повторяли
О Царь-Дѣвицѣ тожь.

И отъ этого-то грому
Поднялись къ ней женихи
Вереницей къ ея дому,
Какъ фазаньи пѣтухи.

Царствъ за тридевять мудруя,
Вымышляли, какъ хвалить;
Вздохами любовь толкуя,
Къ ней боялись подступить.

На слонахъ и на верблюдахъ
Ханъ иной дары ей шлетъ,
Подъ ковромъ на Хинскихъ блюдахъ,
Камень съ гору самосвѣтъ;

Тотъ Эдемскаго индея:
Гребень — звѣздъ на немъ наростъ,
Пурпуръ — крылья, яхонтъ — шея,
Изумрудный — зобъ и хвостъ;

Кодшицъ алы черевички
Несъ — съ бандорой шошъ плясашь;
Горлицъ нѣжныя янчки, —
Нѣжно пѣшь и воздыхашь.

Но она имъ не склонялась;
Набожна была чрезчуръ:
Только въ шушкахъ забавлялась,
Напущая на нихъ дурь,

Иль велѣла имъ шрудишься:
Яблокъ райскихъ ей искашь,
Хохликъ солнцевъ, чшобъ свѣшишься,
Въ шомъ вѣкъ младосшью блисшашь.

Но они понадорвали
Свой живошъ, и сшали въ пень;
Чшо искали, — не сыскали,
И исчезли будшо шѣнь.

Тушъ ошкуда ни явился
Царь Царевичь, или Круль;
Ни людямъ не поклонился,
Ни на Спаса не взглянулъ;

По бедру коня хлесшь заднюю,
И въ шошъ мигъ невидимъ сшалъ, —
Шасшь къ Царю-Дѣвицѣ въ спальню,
И ее поцѣловалъ.

Хоронилася плашочкомъ
И ворчала хошь въ сердцахъ;

Но какъ въ слѣдъ его окошкомъ
Хлопнула, — вскричала: ахъ!

Конь къ тому жь въ пути обратномъ
Тронулъ сѣть садовыхъ струнъ:
Градъ позналъ въ семъ звукѣ страшномъ,
Что былъ дерзокъ Маркобрунъ.

Вотъ и всталъ дымъ коромысломъ
Отъ маяковъ по горамъ;
Въ мрачномъ воздухѣ, нависломъ,
Ревъ завылъ и по церквамъ.

Кличь прокликали въ столицѣ,
И гонцы всѣмъ дали вѣсть,
Чтобъ скакать къ Царю-Дѣвицѣ,
И, служа ей, мстить за честь.

Заскрипѣли двери ржавы
Оружейницъ древнихъ лѣтъ;
Воспрянули мужи славы
И среди пустынныхъ мѣстъ.

Правятъ снасти боевыя,
И булатъ и сталь острятъ;
Старые орлы, сѣдые
Съ соколами въ бой летятъ;

И свирѣпы кони въ стойлахъ
Топаютъ, храпятъ и ржутъ,
На холмахъ и на раздольяхъ
Пыль вздымаютъ пѣну льютъ;

Въ слухъ пищали сшѣно-бойны,
Расшвòря чугунны рты;
Воюшъ въ часъ полночный, сонный,
Чшобъ скорѣй въ походъ иншши.

Идешъ въ шкурахъ рашь звѣриныхъ,
Съ дубомъ, съ пращей, съ кисшенемъ;
Въ перьяхъ пшичьихъ, въ кожахъ рыбныхъ,
И какъ холмъ шечешъ чрезъ холмъ;

Занимаешъ сшепи, луги
И насадами моря,
И кричишъ: »Помремше, други,
За Дѣвицу и Царя!

»Не плѣнила злашомъ, свойсшвомъ
Насъ она, ни серебромъ,
Но лишь дѣвичьимъ геройсшвомъ,
Здравымъ и просшымъ умомъ.«

И шакъ сими Вождь рѣчами
Взбудоражилъ войновъ духъ,
Чшо поднявъ бугры плечами,
Расшрепали Круля въ пухъ;

И еще въ его бы царсшвѣ
Только разъ одинъ шагнушь,
Свѣша бъ не было въ просшрансшвѣ,
Чѣмъ его и вспомянушь.

Кровь народа Маркобруна
Уподобилась рѣкѣ;

Онъ дрожалъ ея перуна
И въ своемъ ужь чердакѣ.

Но какъ онъ Царя-Дѣвицы
Нѣжный нравъ довольно зналъ;
Сталъ пастухъ — и гласъ цѣвницы
Часто ей своей внушалъ.

»Виноватъ,« пѣлъ: »предъ тобою,
Что прекрасна ты, мила.
Сердце тронь мое рукою.«
— »Сядь со мной! она рекла. . . .

Такъ и всѣ красотки славны
Дерзостей не могутъ несть;
Всѣ бываютъ своенравны;
Любятъ жены, дѣвы честь.

II.

ПРИНОШЕНІЕ КРАСАВИЦАМЪ.

Вамъ, красавицы младыя,
И супругѣ въ даръ моей,
Пѣсни Леля золотыя
Подношу я въ книжкѣ сей.
Нравиться ужь я безсиленъ
И копьемъ и сайдакомъ,

Дуренъ, спаръ и не умиленъ:
Бью спихами вамъ челомъ;
Бью челомъ, — и по морозамъ
Коль вы ѣздиппе въ саняхъ,
Лѣпомъ ходиппе по розамъ,
По лугамъ и муравамъ:
То и праха не лобзаю
Я прелеспныхъ ва̊шихъ ногъ;
Чувсшва шѣ лишь посвящаю,
Чшо любви всесильный богъ
Съ жизнью самой въ кровь мнѣ пламень,
Въ душу силу влилъ огня:
Сыплюпъ искры — снѣгъ и камень
Подъ спопами у меня.

III.

НА РОЖДЕНІЕ

ВЪ СѢВЕРѢ ПОРФИРОРОДНАГО ОТРОКА.

Съ бѣлыми Борей власами
И съ сѣдою бородой,
Пошрясая небесами,
Облака сжималъ рукой,
Сыпалъ инеи пушисшы,
И мяшели воздымалъ;
Налагая цѣпи льдисшы,

Быстры воды оковалъ.
Вся Природа содрогала
Отъ лихова старика;
Землю въ камень претворяла
Хладная его рука;
Убѣгали звѣри въ норы,
Рыбы крылись въ глубинахъ,
Пѣть не смѣли птичекъ хоры,
Пчелы прятались въ дуплахъ;
Засыпали Нимфы съ скуки
Средь пещеръ и камышей;
Согрѣвать Сатиры руки
Собирались вкругъ огней.
Въ это время столь холодно,
Какъ Борей былъ разъяренъ,
Отроча порфирородно
Въ Царствѣ Сѣверномъ рожденъ.
Родился, и въ ту минуту
Престалъ ревѣть Борей;
Онъ дохнулъ, — и зиму люту
Удалилъ Зефиръ съ полей;
Онъ воззрѣлъ, — и солнце красно
Обратилося къ веснѣ;
Онъ вскричалъ, — и лиръ согласно
Звукъ разнесся въ сей странѣ;
Онъ простеръ лишь дѣтски руки, —
Ужь порфиру въ руки бралъ;
Раздались громовы звуки, —
И весь Сѣверъ возсіялъ.
Я увидѣлъ въ восхищеньи
Растворенъ Судебъ чертогъ;

Я подумалъ въ изумленьи:
Знать, родился нѣкій Богъ.
Геніи къ нему слетѣли
Въ свѣтломъ облакѣ съ небесъ; —
Каждый Геній къ колыбели
Даръ рожденному принесъ:
Тотъ принесъ ему громъ въ руки
Для предбудущихъ побѣдъ;
Тотъ Художества, Науки,
Украшающія свѣтъ;
Тотъ обиліе, богатство,
Тотъ сіяніе порфиръ;
Тотъ утѣхи и пріятство,
Тотъ спокойствіе и миръ;
Тотъ принесъ ему тѣлесну,
Тотъ душевну красоту;
Прозорливость тотъ небесну,
Разумъ, духа высоту.
Словомъ: всѣ ему блаженства
И таланты подаря,
Всѣ вліяли совершенства,
Составляющи Царя;
Но послѣдній, добродѣтель
Зараждаючи въ немъ, рекъ:
»Будь страстей твоихъ владѣтель;
Будь на тронѣ человѣкъ!«
Всѣ крылами восплескали;
Каждый Геній восклицалъ:
»Се божественный,« — вѣщали—
»Даръ младенцу онъ избралъ!
Даръ всему полезный міру!

Даръ доброшамъ всѣмъ вѣнецъ!
Кшо пріемлешъ съ нимъ порфиру;
Будешъ подданымъ ошецъ! « —
»Будешъ,« — и Судьбы гласили;
»Онъ Монархамъ образецъ! «
Лѣсъ и горы повшорили:
»Ушѣшеніемъ сердецъ! « —
Снмъ Россія восхищенна
Токи слезны пролила;
На колѣни преклоненна,
Въ руки Ошрока взяла;
Воспріявъ его, лобзаешъ
Въ перси, очи и усша;
Въ немъ геройсшво возрасшаешъ,
Возрасшаешъ красоша.
Всѣ его ужь любяшъ сшрасшно,
Всѣхъ сердца ужь онъ возжогъ:
Возрасшай, Дишя прекрасно!
Возрасшай, нашъ полубогъ!
Возрасшай, уподобляясь
Ты Родишелямъ во всемъ;
Съ ихъ шы Машерью равняясь,
Соравняйся съ Божесшвомъ.

IV.

АМУРЪ И ПСИШЕЯ.

Амуру вздумалось Псишею,
Рѣзвяся, поимать,
Опутаться цвѣтами съ нею,
И узелъ завязать.

Прекрасна плѣнница краснѣетъ,
И рвется отъ него;
А онъ какъ будто бы робѣетъ
Отъ случая сего.

Она зоветъ своихъ подружекъ,
Чтобъ узелъ развязать;
И онъ своихъ крылатыхъ служекъ,
Чтобъ помочь имъ подать.

Пріятность, младость къ нимъ стремятся,
И имъ служить хотятъ;
Но узники не суетятся,
Какъ вкопаны стоятъ.

Ни крылышкомъ Амуръ не тронетъ,
Ни лукомъ, ни стрѣлой;
Псишея не бѣжитъ, ни стонетъ:
Свились какъ листъ съ травой.

Такъ будь, чета! вѣкъ нераздѣльна,
Согласіемъ дыша:
Та цѣпь тверда, гдѣ сопряженна
Съ любовію душа.

V.

КЪ ГРАЦІЯМЪ.

Что вы, Граціи, такое?
Красота ль вы, или младость?
Вы души, иль тѣла нѣжность?
Вы любви ли милы дщери,
Иль магнитъ, сердца влекущій?

На лугахъ ли вы зеленыхъ,
И луга при васъ смѣются;
Во лѣсахъ ли вы тѣнистыхъ,
И лѣса даютъ прохладу,
Освѣжаетъ воздухъ чувства.

Ахъ! не вы ли на помостѣ,
Средь столповъ и переходовъ,
Въ храмѣ Росскія Богини,
Какъ зефиры легкокрылы,
Плавно пляшете по арфамъ?

Не на вашихъ ли ланитахъ
Усмѣхаются лилеи,
И на челахъ, льномъ блестящихъ,
Васильковые вѣночки, —
Вкругъ ихъ звѣзды, солнцы въ персяхъ?

Ахъ! не вы ль, небесны Нимфы
Воплощенными намъ зритесь,
И сафирными очами
Льете въ наши души радость,
Сладкіе въ сердца восторги?

Это ты, Петрово племя!
Вы, Екатерины Внуки,
Павла и Маріи Дщери,
Нашихъ Фебовъ, Марсовъ сестры:
Это вы, Княжны младыя!

Это вы, на коняхъ нѣжно
Въ шлемѣ бранномъ зритъ Россія, —
Подъ трофеями, какъ пальма,
На цвѣты склонясь улыбкой,
Мещетъ тѣнь Екатерина.

VI.

ХАРИТЫ.

По слѣдамъ Анакреона
Я хотѣлъ воспѣть Харитъ, —
Фебъ во гнѣвѣ съ Геликона
Мнѣ предсталъ и говоритъ:
»Какъ! и ты уже небесныхъ
Дѣвъ желаешь воспѣвать?
Столько прелестей безсмертныхъ
Хочешь смертный описать!
Но бывалъ ли на высокомъ
Ты Олимпѣ у боговъ?
Обнималъ ли бреннымъ окомъ
Ты веселье ихъ пировъ?
Видѣлъ ли Харитъ предъ ними,
Какъ, подъ звукъ пріятныхъ лиръ,
Плясками онѣ своими
Восхищаютъ горній міръ;
Какъ съ протяжнымъ, тихимъ тономъ
Важно павами плывутъ;
Какъ съ веселымъ, быстрымъ звономъ
Голубками воздухъ вьютъ;
Какъ вокругъ онѣ спокойно
Величавый мещутъ взглядъ;
Какъ ихъ всѣхъ движенья стройно
Взору, сердцу говорятъ?
Какъ хитоны ихъ эѳирны,

Льну подобные власы,
Очи свѣтлые, сафирны,
Помрачаютъ всѣхъ красы?
Какъ богини всѣмъ соборомъ
Признаютъ: имъ равныхъ нѣтъ,
И Минерва важнымъ взоромъ
Улыбается имъ въ слѣдъ?
Словомъ: видѣлъ ли картины,
Непостижныя уму?« —
»Видѣлъ внукъ Екатерины,«
Я отвѣтствовалъ ему.
Богъ Парнасса усмѣхнулся;
Давъ мнѣ лиру, отлетѣлъ.
Я струнамъ ея коснулся,
И младыхъ Харитъ воспѣлъ.

VII.

ПОБѢДА КРАСОТЫ.

Какъ храмъ Ареопагъ Палладѣ,
Нептуна презря, посвятилъ:
Притекъ къ Аѳинской левъ оградѣ,
И ревомъ городу грозилъ.

Она копья непобѣдима
Ко ополченью не взяла,

Пропиву льва неукротима
Съ Олимпа Гебу призвала.

Пошла, — и подъ оливой спала,
Блистая легкою броней:
Младую Нимфу обнимала,
Сидящую въ тѣни вѣтвей.

Левъ шелъ, — и подъ его стопою
Приморскій влажный брегъ дрожалъ.
Но, встрѣтясь вдругъ со красотою,
Какъ солнцемъ пораженный, сталъ.

Вздыхалъ и палъ къ ногамъ левъ сильный,
Прелестну руку лобызалъ,
И чувства кроткія, умильны,
Въ сверкающихъ очахъ являлъ.

Стыдлива дѣва улыбалась,
На молодаго льва смотря;
Кудрявой гривой забавлялась
Сего звѣринаго Царя.

Минерва мудрая познала
Его родящуюся страсть;
Цвѣточной цѣпью привязала,
И отдала любви во власть.

Не разъ потомъ уже случалось,
Что умъ смирялъ и ярость львовъ;

Красою мужество сражалось,
И побѣждала все любовь.

VIII.

КЪ МУЗѢ.

Строй, Муза, арфу золотую
И юную весну воспой:
Какъ нѣжною она рукой
На небо, море, голубую,
На долы и вершины горъ
Зелену ризу надѣваетъ;
Вкругъ ароматы разливаетъ,
Всѣмъ осклабляетъ взоръ,

Смотри, какъ цѣпью птицъ станицы
Летятъ подъ небомъ и трубятъ;
Какъ жаворонки вверхъ парятъ:
Какъ гусли тихи, иль цѣвницы,
Звенятъ ихъ гласы съ облаковъ;
Какъ ключь шумитъ, свирѣль взываетъ,
И между всѣхъ ихъ пробѣгаетъ
Свистъ громкій соловьевъ.

Смотри: въ проталинахъ желтѣютъ,
Какъ звѣзды, межь снѣговъ цвѣты;
Какъ распустившись розъ кусты

Смѣются въ люлькахъ и алѣютъ;
Сквозь мглу восходитъ злакъ челомъ,
Лѣса вѣтвями помаваютъ,
По рдяну водъ стеклу мелькаютъ
Вверхъ рыбы серебромъ.

Смотри, какъ солнце золотое
Днесь лучезарнѣе горитъ;
Небесное лице глядитъ
На всѣхъ, веселое, младое;
И будто вся играетъ тварь,
Природа блещетъ, восклицаетъ:
Или какой себя вѣнчаетъ
Короной міра Царь?

IX.

ПРИШЕСТВІЕ ФЕБА.

Тише, тише, вѣтры, вѣйте,
Благовоніемъ дыша;
Пурпуровымъ златомъ рдѣйте,
Воды, долы — и душа,
Спящая въ лѣсахъ зеленыхъ,
Гласовъ, эховъ сокровенныхъ,
Пробудися свѣтлымъ днемъ:
Встань ты выше, выше, холмъ!

Въ лучезарной колесницѣ
Отъ Востока Фебъ идетъ:
Внизъ съ раменъ по багряницѣ
Въ кудряхъ золото течетъ;
А отъ лиры сладкострунной
Божій тихій гласъ перунной
Такъ рѣками въ долъ падетъ,
Какъ съ небесъ лазурный свѣтъ.

Утренней зари прекрасной,
Дней веселыхъ свѣтлый Царь!
Ты, который дланью властной
Сыплешь свѣтъ и жизнь на тварь,
Правя легкими вожжами,
Искрометными конями
Обтекаешь міръ кругомъ,
Стань предъ насъ своимъ лицемъ!

Возсіяй въ твоей коронѣ,
Давъ лунѣ [illegible]
На твоемъ отдѣльномъ тронѣ,
Твой лучистый, милый свѣтъ!
Стань скорѣй предъ жадны взоры,
Да поютъ и наши хоры
Радостныхъ отца сыновъ
Славу, счастье и любовь!

X.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ВЕСНЫ.

Возвращается Весна,
И Хариты вкругъ блистаютъ,
Взоры смертныхъ привлекаютъ.
Гдѣ стоитъ, грядетъ она,
Воздухъ дышетъ ароматомъ,
Усмѣхается заря,
Чешуятся рѣки златомъ;
Рощи, въ зеркалы смотря,
На вѣтвяхъ своихъ качаютъ
Теплы, легки вѣтерки;
Сильфы рѣзвятся, порхаютъ,
Зелень всюду и цвѣтки
Стелютъ по землѣ коврами;
Рыбы мечутся изъ водъ;
Журавли, віясь кругами
Сквозь небесный синій сводъ,
Какъ валторны возглашаютъ;
Соловей гремитъ въ кустахъ,
Звѣри прыгаютъ, брыкаютъ;
Гласъ ихъ вторится въ лѣсахъ;
Горстью пахарь дождь на нивы
Сѣетъ вкругъ себя златой;
Бѣлы парусы игривы
Вздулись на морѣ горой;
Вся Природа торжествуетъ,

Празднуешъ Весны приходъ;
Все играешъ, все ликуешъ.
Нимфы! станьше въ хороводъ,
И въ бѣлѣйши снѣга шкани
Облеченны, изо льну,
Просширайше нѣжны длани,
Принимайше вы Весну,
А въ цвѣшахъ ея щедрошы,
А въ зефирахъ огнь сердцамъ.
Съ нею жишь лешяшъ Эрошы:
Безъ любви нельзя и вамъ.

XI.

ПРАЗДНИКЪ

ВОСПИТАННИЦЪ ДѢВИЧЬЯГО МОНАСТЫРЯ.

Если бъ умъ какой чудесный
Сшоль возвысишься возмогъ,
Чшобъ, проникнувъ сводъ небесный,
Въ горній возлешѣлъ чершогъ,
И средь шучь шамъ бирюзовыхъ,
Будшо множесшво зарницъ,
Бѣлокурыхъ, чернобровыхъ,
Мпріады свѣшлыхъ лицъ,
Въ ризахъ блещущихъ, эѳирныхъ,
Видѣлъ Ангеловъ небесъ;
Съ ихъ агашныхъ, иль сафирныхъ

Черпалъ бы восторгъ очесъ;
Красоты ихъ лучь небесной
Изумлялъ бы слабый взоръ;
Ихъ гармоніи прелестной
Тихій, умиленный хоръ,
Громкихъ арфъ и лиръ бряцанье
Нѣжно трогали бы слухъ;
Райскихъ древъ благоуханье
Сладко упояло духъ;
Видѣлъ бы, что очи тлѣнны
Не возмогутъ созерцать,
И внималъ, что уши бренны
Неудобны въ слухъ внимать;
Слышалъ, Серафимовъ хоры
Какъ Царя Царей поютъ,
Какъ вперенные ихъ взоры
Свѣтъ съ Него и радость пьютъ:
Тотъ возмогъ бы, по сравненью
Сихъ божественныхъ чудесъ,
Живо описать, къ видѣнью
Россихъ мысленныхъ очесъ,
Какъ полсвѣта Повелитель
И Его любезный Домъ,
Павелъ, посѣщалъ обитель,
Юныхъ дѣвъ священный сонмъ;
Какъ онѣ Его встрѣчали,
Будто Бога, иль отца;
Пѣньемъ души восхищали,
А красою всѣхъ сердца; —

Или если бы рожденье

На водахъ кто зрѣлъ Весны
И ея въ лучахъ явленье
Изъ кристальныя волны;
Съ холма кинувъ быстро око
На прекрасный Волги брегъ,
Гдѣ, разлившися широко
И склоняя свѣтлый бѣгъ
На Каспійско море стекляно,
Злачныхъ горъ она въ тѣни,
Море гладко, златордяно,
Представляетъ въ ясны дни;
Тамъ бы на песчаныхъ стогнахъ
Зрѣлъ пернатыхъ онъ стада,
Что, собравшись въ милліонахъ,
Какъ снѣговъ лежитъ гряда;
Кроткія межъ нихъ колпицы
Въ стаѣ гордыхъ лебедей,
Сребророзовыя птицы
Лоснятся поверхъ зыбей,
И турмуютъ, и играютъ,
И трепещутся средь волнъ,
Съ перьевъ бисеръ отряхаютъ,
Разноцвѣтный влажный огнь;
Зрѣлъ бы, какъ, сплетшись крылами,
Ходятъ по мелямъ стѣной,
Вдаль расплывшися кругами,
Кличутся промежь собой;
Громкій голосъ ихъ несется
По водамъ и по полямъ;
Гулъ отъ холмовъ раздается,
Изъ-за рощей тихій гамъ:

Тотъ возмогъ бы драгоцѣнну
Ту картину начертать,
Какъ Марію несравненну,
Нѣжную Россіи мать,
Юны дѣвы принимали
Во святилищѣ своемъ,
Благовѣйно предстояли
Предъ величества лицемъ;
Въ темной, зеленью аллеѣ,
Древъ подровненныхъ въ тѣни,
Снѣга самаго бѣлѣе,
Легче воздуха въ ткани,
Передъ Ней онѣ играли
На помостѣ золотомъ,
Пѣли, прыгали, плясали
И рядами и кругомъ;
Въ даръ священный приносили
Рукъ издѣліе своихъ;
Не сокровища дарили;
Но сердецъ преданность ихъ;
Лишь того искали взоромъ
И желали всей душей,
Чтобъ почтила разговоромъ,
Иль улыбкой ихъ Своей;
А въ сей стаѣ бѣлоснѣжной,
Будто среди птицъ Весна,
Къ дѣтямъ взоръ бросая нѣжной,
Зрѣлась божествомъ Она; —

Иль, когда бы къ баснословнымъ
Кто восхитясь временамъ,

Къ славнымъ, свѣтлымъ, благовоннымъ
На Олимпъ воспелъ пирамъ,
И увидѣлъ бы на ономъ
Подъ паденьемъ шумныхъ водъ,
Подъ янтарнымъ небосклономъ
Въ хладную пещеру входъ,
И младыхъ въ ней Нимфъ прекрасныхъ,
Славнымъ пиромъ на столахъ,
На узорчатыхъ, атласныхъ,
Бѣлыхъ, тонкихъ скатертяхъ,
Угощающихъ пріятно
Посѣтителей боговъ;
Какъ хитоны ихъ опрятно
Въ узлы легкихъ облаковъ
Подобравъ онѣ пристойно
Лентами зарей цвѣтныхъ,
Сановито и спокойно
Ходятъ вкругъ гостей своихъ;
Какъ съ улыбкой благородной,
Съ наклоненіемъ чела,
Милой поступью, свободной
Къ гостю каждая пришла;
Принесли имъ: тѣ въ корзинахъ,
Тѣ въ фарфорахъ прорѣзныхъ,
Въ разноцвѣтныхъ тѣ кувшинахъ,
Въ блюдахъ сребряныхъ, златыхъ,
Сочножелтые, багряны,
Вкусноспѣлые плоды,
Въ хрусталяхъ напитки хладны,
Сладки, искрометны льды;
Какъ тамъ боги и богини,

Осклабляяся, глядятъ,
Со герои, съ героини
Яствы сахарны ядятъ;
Какъ амврозія небесна
Въ алыхъ таетъ ихъ устахъ,
Разсыпается чудесна
Пища райская въ рукахъ;
Льется въ медѣ благовонномъ
Всплименяющій нектаръ,
Въ сокѣ розовомъ, перловомъ
Мразъ, гасящій зноя жаръ.
Тотъ бы внятно могъ и живо
Описать сей праздникъ намъ,
Торжество то справедливо
И пріятное очамъ,
Какъ подъ свѣсомъ наклоненнымъ
На столповъ бѣлѣйшихъ рядъ,
Плющемъ обвитыхъ зеленымъ
Рукъ художествомъ, журчатъ,
Къ большей прелести Природы,
На прекрасный Невскій брегъ
Льющіесь съ эѳира воды,
Для прохладъ и для утѣхъ;
Гдѣ усердіе являли,
И въ привѣтствіе гостямъ
Дѣвы славный полдникъ дали
И Царицамъ и Царямъ;
Гдѣ ихъ нѣжны сонмы, хоры,
Какъ небесный нѣкій садъ,
Зрителей водили взоры
Межь утѣхъ и межь прохладъ; —

Иль, — когда уже Зефиры
Начинающъ влажно душь,
Боги въ мягкіе сафиры
Идушъ съ пиршесшвъ ошдохнушь,
Какъ злашыя Феба сшрѣлы,
Прядавъ по волнамъ, скользяшъ,
Вечеръ шошемняешъ селы,
Окна пламенемъ горяшъ —
Если бъ смершный дерзновенный
Кшо ошважишься сшоль смѣлъ,
Чшобъ шаинсшвенны, священны
Игры древнія хошѣлъ
Зрѣшь украдкой среди нощи,
И по спушаннымъ шропамъ
Проходя кедровой рощи,
Вдругъ увидѣлъ Весшы храмъ;
Зрѣлъ вокругъ его, Весшалей
Какъ прохаживаешъ сшрой;
Огнь висишъ внушри крисшалей,
Во шреножникѣ сшруей
Послѣ жершвы дымъ курипся;
Предъ священнымъ олшаремъ
Каждая дѣвица зришся
Съ преклонившимся челомъ,
Скромной блещущи красою,
Важносши сняшой полна,
Подъ прозрачною фашою,
Будшо сквозь шуманъ луна;
Купно всѣ съ благоговѣньемъ
Жершвенникъ обходяшъ вкругъ,
И съ шимпановъ удареньемъ

На колѣни падши вдругъ
Передъ образомъ Богини,
Славословіе поютъ;
За дары, за благостыни,
Въ жертву ей цвѣты кладутъ;
И гласятъ: »О, земнороднымъ
Божествамъ прекрасна. Мать!
Если взоромъ благосклоннымъ
Соизволишь призирать
Дѣвъ, Тобою воскормленныхъ,
И прошенью внемлешь ихъ:
То внуши молитвъ усердныхъ
Гласъ воспитанницъ Твоихъ,
И даруй, да подъ покровомъ
Матерней руки Твоей,
Благоправья въ блескѣ новомъ,
Непорочности стезей,
Въ слѣдъ мы ходимъ за Тобою
И достойными Тебя
Будемъ жизнію святою,
Добродѣтель въ вѣкъ любя;«
Зрѣлъ потомъ бы ихъ въ гуляньи
Средь цвѣтущихъ красныхъ мѣстъ,
Въ разноцвѣтномъ гдѣ сіяньи
Лѣсъ блисталъ лучами звѣздъ;
Какъ съ невинностью, питая
Хладъ безстрастія въ крови,
Забавлялися, не зная
Сладостныхъ заразъ любви;
Какъ сокрывшись въ листья, въ гроты,
И облекшись въ темну ночь,

Мѣшаютъ шщетно въ нихъ Эроты,
И летятъ съ досадой прочь;
Видѣлъ бы, и тайный зритель
Древнихъ праздниковъ святыхъ,
Игръ сихъ вѣрный былъ сравнитель
Русской Весны дѣвъ младыхъ,
Какъ въ вечерній блескъ зарницы,
Подъ прохладнымъ вѣтеркомъ,
День рожденья ихъ Царицы
Проводили торжествомъ.
Вся Россія возставала
Съ умиленьемъ зрѣть на нихъ;
Слезы радости роняла;
Такъ привѣтствовала ихъ:
»Я покоюсь послѣ боевъ, —
Процвѣтайте въ тишинѣ;
Будьте матери Героевъ,
И подпорой твердой мнѣ.«

XII.

РАЗВАЛИНЫ.

Вотъ здѣсь, на островѣ Киприды,
Великолѣпный храмъ стоялъ:
Столпы, подзоры, пирамиды
И куполъ золотомъ сіялъ.
Вотъ здѣсь, дубами осѣненна,
Рѣзная дверь въ него была,

Зеленымъ свѣсомъ покровенна,
Во внутрь златнилища вела.
Вотъ здѣсь хранилися кумиры,
Дымились жертвой олтари,
Сбирались на молитву міры,
И били ей челомъ Цари.
Вотъ тутъ была уединенной
Поутру каждый день съ зарей,
Писала, какъ владѣть вселенной,
И какъ сердца плѣнить людей.
Тутъ поставлялася трапеза,
Кругъ юныхъ дѣвъ, и сонмъ жрецовъ;
Богатство разливалось Креза;
Сребро и злато средь столовъ;
Тутъ арфы звучныя гремѣли,
И повторялъ ихъ хоръ пѣвцовъ;
Особо тутъ Сирены пѣли,
И гласовъ сладостью, стиховъ,
Сердца и умъ обворожали;
Тутъ нектаръ изъ сосудовъ билъ,
Курильницы благоухали,
Зной лѣтній провѣвалъ Зефиръ;
А тутъ крылатые служили
Полки прекрасныхъ, легкихъ слугъ,
И отъ богининой носили
Руки амброзію вокругъ.
Она, тутъ сидя, обращалась,
И всѣхъ къ себѣ влекла сердца;
Возставши, тихо поклонялась,
Блистая щедростью лица.
Здѣсь, въ полдень, уходила въ гроты,

Покоилась прохладѣ въ тѣни ;
А тутъ Амуры и Эроты
Уединялись съ ней одни.
Тутъ былъ Эдемъ ея прелестный
Наполненъ межъ купинъ цвѣтовъ ;
Здѣсь текъ подъ синій сводъ небесный
Въ купальню скрытый шумъ ручьевъ ;
Здѣсь былъ театръ, а тутъ качели,
Тутъ Азіатскихъ домикъ нѣгъ ;
Тутъ, на Парнассѣ, Музы пѣли,
Тутъ звѣри жили для утѣхъ ;
Здѣсь въ разны игры забавлялась,
А тутъ, прекрасныхъ Нимфъ съ полкомъ,
Подъ вечеръ красный собиралась
Въ прогулку съ легкимъ посошкомъ ;
Ходила по лугамъ, долинамъ,
По мягкой муравѣ, близъ водъ,
По желтымъ среди розъ тропинамъ ;
А тутъ, затѣя хороводъ,
Велѣла Нимфамъ, Купидонамъ
Играть, плясать между собой
По слышимымъ пріятнымъ тонамъ
Вдали музыки роговой.
Они, кружась, рѣзвясь, летали,
Шумѣли, говорили вздоръ ;
Въ зерцалѣ водъ себя казали,
Всѣмъ тѣшили богини взоръ ;
А тутъ, оставя хороводы,
Верхомъ скакали на конькахъ ;
Иль въ лодкахъ разсѣкая воды,
Въ жемчужныхъ плавали струяхъ.

Киприда тутъ средь миртъ сидѣла;
Смѣялась, глядя на дѣтей;
На восхищающихъ смотрѣла
Поднявшихъ крылья лебедей,
Иль на станицу сребробокихъ
Ей милыхъ, сизыхъ голубковъ,
Или на пестрыхъ краснооких,
Ходящихъ рыбокъ средь прудовъ,
Иль на собачекъ, ей любимыхъ,
Хвосты несущихъ вверхъ кольцомъ,
Другъ другомъ съ лаемъ гонимыхъ,
Мелькающихъ между лѣсковъ.
А здѣсь, исполнясь важна вида,
На памятникъ своихъ побѣдъ —
Она смотрѣла на Алкида,
Какъ гидру палицей онъ біетъ;
Какъ прочіе ея Герои,
По манію ея очесъ,
Въ ужасные вступали бои,
И тмы подѣлали чудесъ;
Приступомъ грады тверды брали,
Сжигали флоты средь морей,
Престолы, царства покоряли,
И въ плѣнъ водили къ ней Царей.
Здѣсь въ внутренни она чертоги
По лѣстницѣ отлогой шла,
Куда гостить ходили боги
И гдѣ она всегда стрегла
Тотъ поясъ, въ небѣ ей истканный,
На коемъ межъ Харитъ съ ней жилъ
Тотъ хитрый Геній, изваянный,

Который счастье ей дарилъ,
Во всѣхъ ея дѣлахъ успѣхи,
Трофеи мира и войны,
Здоровье, радости и смѣхи
И легкіе пріятны сны.
Въ семъ теремѣ, Олимпу равномъ,
Изъ яшмъ прозрачныхъ, перловъ гнѣздъ,
Художествомъ различнымъ славномъ,
Горѣли ночью тучи звѣздъ,
Красу богини умножали,
И такъ средь сихъ блаженныхъ мѣстъ
Ее, какъ солнце, представляли.

Но здѣсь ея ужь нынѣ нѣтъ:
Померкъ красотъ волшебныхъ свѣтъ;
Все тмой покрылось, запустѣло;
Все въ прахъ упало, помертвѣло;
Отъ ужаса вся стынетъ кровь:
Лишь плачетъ сирая любовь.

XIII.

РОЖДЕНІЕ ЛЮБВИ.

Опоясанна цвѣтами
Сходитъ къ намъ съ небесъ Весна,
И младыми красотами
Улыбается она.
Улыбнулась, — и явились
Розы и лилеи въ свѣтъ;
Благовонья оживились;
Возблисталъ на листьяхъ медъ,
И по рощамъ разгласилось
Хохотаньемъ эхо вновь;
Радость, счастье водворилось:
Намъ родилася Любовь?

XIV.

НА БРАЧНЫЯ ТОРЖЕСТВА.

На розовыхъ крылахъ Темпейску
Эротъ долину пролеталъ, —
Незапно во страну Рифейску
Вспорхнулъ, гдѣ Сѣверъ обиталъ:

Увидѣлъ инеи, морозы,
Желѣзны шлемы и мечи,
Военныя вседневны грозы,
Съ оружья блещущи лучи;
Услышалъ отъ побѣдъ вкругъ звуки:
Тамъ злобѣ плѣнной вяжутъ руки,
Тамъ на мятежъ яремъ кладутъ;
Узрѣлъ, — и съ ужаса и хладу
Крылами въ трепетѣ взмахнулъ,
Хотѣлъ летѣть назадъ въ Элладу;
Но какъ-то факелъ свой стряхнулъ, —
И въ тьмѣ вдругъ искры покатились:
Расцвѣлъ весной полночный край;
Орлы двухъ Царствъ соединились;
Средь Гатчины открылся рай!
Плѣняетъ нѣжный громъ музыки,
Пылаютъ тысячи лампадъ,
Харитъ младыхъ прелестны лики
Въ вѣнцахъ предъ трономъ предстоятъ:
Тѣ пляшутъ, скачутъ; тѣ играютъ,
Тѣ скромныхъ взглядами очей
Сердца Героевъ поражаютъ,
И въ плѣнъ влекутъ богатырей.
Эротъ, красами удивленный,
»Не царство ль,« рекъ: »я зрю мое?
Но кто на тронѣ, (дерзновенный!)
Отнявъ у Марса мечь, копье,
Да и мои всесильны стрѣлы,
Красу здѣсь съ храбростью вѣнчалъ?«
—»М а р і и, П а в л а здѣсь предѣлы,«
Ему весь Сѣверъ отвѣчалъ.

Х о р ъ.

Кшо храбростью и красотою
Умѣешъ купно обладать,
Тотъ можетъ миромъ и войною
И свѣтомъ всѣмъ повелѣвать.

Вздохнулъ Эротъ: »Такъ пусть ужь боги
Не ждутъ меня въ Темпейскій долъ;
Мнѣ святы Павловы чертоги:
Я въ нихъ поставилъ мой престолъ.

Х о р ъ,

Ликуйте, Павелъ и Марія,
Любовь въ чертогахъ зря Своихъ!
Хоть Ваши дщери, днесь младыя,
Надѣли цѣпь Царей чужихъ,
Но зримъ мы, чувствуемъ неложно
Вашъ разумъ, сердца доброту:
Гдѣ храбростью плѣнять не должно,
Туда Вы шлете красоту.

Такъ, Александра! не войною,
Но красотой плѣни Ты свѣтъ;
И ты, Елена! не виною
Будь Царскихъ распрь, народныхъ бѣдъ;
Но днесь, любви сопрягшись съ богомъ,
Іосифъ, Павелъ, Фридерихъ!
Европѣ будьте Вы залогомъ
Покоя, счастья, дней златыхъ!

XV.

ЯВЛЕНІЕ АПОЛЛОНА И ДАФНЫ

НА НЕВСКОМЪ БЕРЕГУ.

По гранитному я брегу
Невскому гулять ходилъ,
Сладкую весенню нѣгу,
Благовонный воздухъ пилъ;
Видѣлъ, какъ народъ тѣснился
Вкругъ одной младой четы:
Лучь съ нея, блистая, лился,
Какъ отъ солнца красоты.
Кто — я думалъ въ изумленьѣ —
Чудна двоица сія?
Не боговъ ли вновь схожденье
Вижу въ ней на землю я?
Вижу точно Аполлона!
Вижу Дафну предъ собой!
Знать, сошедши съ Геликона,
Тѣшатся они Невой.
Такъ, они пришли конечно,
Смертнымъ скрывъ себя лицомъ;
Трепетаніе сердечно
Увѣряло духъ мой въ томъ.
Такъ, — и въ лицахъ лучезарныхъ
И въ сапфирныхъ ихъ очахъ
Душъ пріятность свѣтодарныхъ
Вижу я боговъ въ людяхъ!
Зрѣлъ, съ собой они какъ водятъ

Просвѣщенье, крошосшь, вкусъ;
Какъ Хариты въ слѣдъ ихъ ходятъ,
И соборы нѣжныхъ Музъ,
Съ Нимфами поющи, пляшутъ;
Всплывъ Наяды сверхъ Невы,
Плещутъ воды; вѣтры машутъ
Ароматъ на ихъ главы.
Видѣлъ, Петрополь дивился
Какъ прекрасной сей четѣ;
Сѣверъ свѣтомъ озарился,
Встлалъ, и, въ мглистой темнотѣ,
Обогрѣвъ браду замерзлу,
Тихимъ ихъ сіяньемъ кровь,
Знича чтилъ въ нихъ и Зимстерлу,
Возвращенныхъ вкупѣ вновь,
И, ликуя, увѣнчался
Перевязкой изъ цвѣтовъ.
Лель за дѣвою погнался,
А за юношей — Любовь.
Видѣлъ, видѣлъ Аполлона,
Видѣлъ съ нимъ и Дафну я!
Радостнаго звукомъ тона
Лира отдалась моя.

XVI.

ВѢНЧАНІЕ ЛЕЛЯ.

Колоколъ ужаснымъ звономъ
Воздухъ, землю колебалъ,
И Иванъ Великій громомъ
Въ полночь, освѣщенъ, дрожалъ;
Я, пріятнымъ сномъ объятый
Макова въ тѣни вѣнца,
Видѣлъ: теремы, палаты,
Площадь Краснаго Крыльца
Роемъ мальчиковъ летучимъ
Облелеяна кругомъ!
Лѣсомъ шлемы ихъ дремучимъ,
Латы — златомъ и сребромъ,
Копья — сталію блистали
И чуть видѣлись сквозь мглы;
Стаями сверхъ ихъ летали
Молненосные Орлы.
Но лишь солнце появилось
И затеплились кресты,
Море зыблюще открылось
Разныхъ лицъ и пестроты! —
Шумъ, съ высотъ ліясь рѣкою,
Всѣми чувствы овладѣлъ:
Своды храма предо мною
Я отверстыми узрѣлъ.
Тамъ, въ волнахъ толпы стѣсненной,

Въ думѣ весь Синклитъ стоялъ;
Я въ душѣ моей смятенной
Нѣкій ужасъ ощущалъ.
Но на тронѣ тамъ обширномъ,
Во священной темнотѣ,
Вдругъ въ сіяніи порфирномъ
Усмотрѣлъ на высотѣ
Двухъ я Геніевъ небесныхъ:
Коль безчисленны красы!
Сколько нѣжностей прелестныхъ!
Златоструйчаты власы,
Блескъ сапфира, розы ранни
Ихъ устенъ, ланитъ, очесъ,
Улыбаясь, брали дани
Съ восхищенныхъ тмы сердецъ;
И одинъ изъ нихъ, вѣнчаясь
Діадимою Царей,
Ей, четѣ своей, касаясь,
Удвоялся блескомъ въ ней.
Тутъ изъ оконъ самыхъ верхнихъ,
По сверкающимъ лучамъ,
Тѣни Самодержцевъ древнихъ,
Ниспустившися во храмъ
Прежни лица ихъ пріяли,
И сквозь ликовъ торжества
Въ изумленьи вопрошали:
»Кто такія божества,
Что облекшись въ младость смертныхъ,
Съ кротостію скиптръ берутъ,
На обширность странъ несмѣтныхъ
Цѣпь цвѣточную кладутъ,

И весь Сѣверъ въ мигъ плѣнили
Именемъ однимъ Царя?«
Громы духъ мой пробудили:
Разглашалося ура!

Что такое сонъ сей значитъ?
Я съ собою размышлялъ:
Духъ ликуетъ, сердце скачетъ;
Отъ чего? я самъ не зналъ.
Кто на Царство такъ вѣнчался?
Кто такъ души всѣ плѣнилъ?
Кѣмъ я столько восхищался,
Сладостныя слезы лилъ?
Послѣ Музы мнѣ сказали,
Кто такъ свѣтомъ завладѣлъ:
»Царь сердецъ,« онѣ вѣщали:
»Богъ любви, всесильный Лель.«

XVII.

БЕСѢДА СЪ ГЕНІЕМЪ.

Восхищенный явнымъ сномъ
Въ небо я моей душою,
Видѣлъ, Геній подъ вѣнцомъ,
Собесѣдовалъ со мною.
Бѣлокуръ, голубоокъ,
Молодъ и лицемъ прекрасенъ,
Ростомъ строенъ и высокъ,

Тихъ, привѣтливъ и пріятенъ
Взору, сердцу и уму. . . .
И во снѣ его былъ внятенъ
Голосъ сердцу моему:
»Слушай, старый пѣснопѣвецъ!
Послужи еще мнѣ,« рекъ:
»Я не грозный Громовержецъ, —
Кроткій Царь и человѣкъ:
Прозвучи мою ты славу.« —
Взялъ я лиру, строю вновь, —
И пою его Державу
И къ отечеству любовь.

XVIII.

МЕЧТА.

Вошедъ въ шалашъ мой торопливо,
Я вижу мальчикъ въ немъ сидитъ,
И, [illegible]
Мнѣ чудилось, звучитъ.

Рѣкою искры упадали
Изъ рукъ его, во тьмѣ горя,
И розы по лицу блистали,
Какъ утренняя заря.

Одна тутъ искра отдѣлилась,
И на мою упала грудь;

Мнѣ въ сердце, въ душу заронилось:
Не смѣла я дохнуть; —

Стояла бездыханна, млѣла,
И съ мѣста не могла ступить;
Уйти хотѣла, не умѣла, —
Не то ль зовутъ любить?

Люблю! Кого? сама не знаю.
Исчезъ меня прельстившій сонъ;
Но я съ тѣхъ поръ, съ тѣхъ поръ страдаю,
Какъ бросилъ искру онъ.

Тоскуетъ сердце! Дай мнѣ руку;
Почувствуй пламень сей мечты,
Виновна ль я? Прерви мнѣ муку:
Любезенъ, милъ мнѣ ты!

XIX.

КЪ АНЖЕЛИКѢ КАУФМАНЪ.

Живописица преславна,
Кауфманъ, подруга Музъ!
Если въ кисть твою влiянно
Свыше живость, чувство, вкусъ;
И списавъ Данаевъ, древнихъ
Намъ богинь и красныхъ женъ,
Пережить въ своихъ безцѣнныхъ

Ты могла картинахъ живыхъ :
Напиши мою Милену ;
Бѣлокурую лицомъ ,
Стройну станомъ , восхищенну ,
Съ гордымъ нѣсколько челомъ ;
Чтобъ похожа на Минерву
Съ голубыхъ была очей ,
И любовну искру перву
Ты зажги въ душѣ у ней ;
Чтобъ, на всѣхъ взирая хладно ,
Полюбила лишь меня ;
Чтобы сердце безотрадно
Въ гробъ съ Плѣнирой сгоревя ,
Я нашелъ бы въ ней обратно ,
И плѣнясь ея красой ,
Оживился бы стократно
Молодой моей душой.

XX.

АНАКРЕОНЪ ВЪ СОБРАНІИ.

Нѣжный , нѣжный воздыхатель ,
О пѣвецъ любви и нѣги !
Ты когда бы лишь увидѣлъ
Столько Нимфъ и столько милыхъ ,
Безъ вина бы и безъ хмелю
Ты во всѣхъ бы въ нихъ влюбился ,
И въ мечтѣ, иль въ восхищеньи ,

Ты бы видѣлъ, будто въ явѣ:
На станицѣ птичекъ бѣлыхъ
Во жемчужной колесницѣ,
Какъ на облачкѣ весеннемъ
Тихимъ воздуха дыханьемъ,
Со колчаномъ вьется мальчикъ,
Съ позлащеннымъ легкимъ лукомъ,
И туда, сюда летаетъ,
И садится онъ по Нимфамъ,
То на ту, то на другую,
Какъ садятся желты пчелы
На цвѣты въ поляхъ младые.
Онъ у той блисталъ во взглядахъ
У иной блисталъ въ улыбкѣ,
И пускалъ оттуда жалы,
Какъ лучи пускаетъ солнце.
Жалы были ядовиты,
Но и меду были слаще;
Не пролетывали мимо,
Попадали прямо въ душу;
И душа бъ твоя томилась,
Уязвленная любовью;
Лишь Паллады щитъ небесной
Утолилъ твои бы вздохи.

XXI.

СПЯЩІЙ ЭРОТЪ.

Ходя въ рощицѣ тѣнистой
Видѣлъ тамъ Эрота я:
На полянкѣ розъ душистой
Спалъ прекрасное дитя:
Сквозь пріятный сонъ, умильный,
Смѣхъ сіялъ въ лицѣ его;
Будто яблочки наливны
Рдѣлись щеки у него.
Почивая безоружнымъ
Снѣжной грудью онъ блестѣлъ;
По вѣтвямъ, надъ нимъ окружнымъ,
Лукъ спущенный, тулъ висѣлъ.
Пчелы вкругъ его летали,
Какъ на розъ шумящій кустъ;
Капли меду собирали
Съ благовонныхъ сладкихъ устъ.
Въ рощу Граціи вбѣжали,
И нашедъ Эрота въ ней,
Потихоньку привязали
Къ красотѣ его своей;
Разбудя жъ его, плясали
Средь цвѣточныхъ съ нимъ оковъ:
Неразлучны съ тѣхъ поръ стали —
Гдѣ пріятность, тутъ любовь.

XXII.

КЪ ЛИРѢ.

Пѣть Румянцева сбирался,
Пѣть Суворова хотѣлъ;
Громъ отъ лиры раздавался
И со струнъ огонь летѣлъ. . . .
Но завистливой судьбою
Задунайскій кончилъ вѣкъ,
А Рымникскій скрылся тмою,
Какъ неславный человѣкъ.
Что жь? Пріятна ли имъ будетъ,
Лира! днесь твоя хвала?
Міръ безъ насъ не позабудетъ
Ихъ безсмертныя дѣла.
Такъ не надо звучныхъ строевъ:
Переладимъ струны вновь;
Пѣть откажемся Героевъ,
А начнемъ мы пѣть любовь.

XXIII.

КЪ САМОМУ СЕБѢ.

Что мнѣ, что мнѣ суетиться,
Вьючить бремя должностей,
Если міръ за то бранится,
Что иду прямой стезей?

Пусть другіе работають, —
Много мудрыхъ есть господъ —
И себя не забываютъ,
И Царямъ сулятъ доходъ.
Но я тѣмъ коль безполезенъ,
Что горячъ, и въ правдѣ чертъ:
Музамъ, женщинамъ любезенъ,
Можетъ тылкой быть Эротъ.
Стану нынѣ съ нимъ водиться,
Сладко ѣсть и пить и спать:
Лучше, лучше мнѣ лѣниться,
Чѣмъ злодѣевъ наживать.
Полно быть въ дѣлахъ горячимъ:
Буду лишь у правды гость;
Тонкимъ сдѣлаюсь подъячимъ,
Растворю пошире горсть.
Утромъ раза три въ недѣлю
Съ милой Музой порѣзвлюсь;
Тамъ опять пойду въ постелю
И съ женою обоймусь.

XXIV.

КЪ СОФІИ.

О сколь, Софія, ты пріятна
Въ невинной красотѣ твоей!
Какъ чистая вода прозрачна,
Блистая розовой зарей.

XXV.

ПОТОПЛЕНІЕ.

Изъ - за облакъ мѣсяцъ красный
Всталъ и смотрится въ рѣкѣ;
Сквозь туманъ и мракъ ужасный
Пустникъ ѣдетъ въ челнокѣ.

Блескъ луны предъ нимъ сверкаетъ;
Онъ гребетъ сквозь волнъ и шуму;
Мысль веселье воображаетъ;
Берегъ видится ему.

Но челнокъ вдругъ погрузился:
Пустникъ мрачну пьетъ волну;
Сколь ни силился, ни бился,
Камнемъ внизъ пошелъ ко дну.

Се видъ жизни скоротечной!
Сколь надежда намъ ни льсти;
Всѣ потонемъ въ безднѣ вѣчной. . . .
Дружба и любовь, прости!

XXVI.

НА БРАКЪ ГРАФИНИ ЛИТТЫ.

Діана съ голубаго трона,
Въ полукрасѣ своихъ лучей,
Въ объятія Эндиміона
Какъ сходитъ скромною стезей,
Въ хитонъ воздушный облеченна, —
Чело вокругъ въ звѣздахъ горитъ, —
Въ безмолвной тишинѣ вселенна,
На лунной блескъ ея глядитъ;
Иль винограднa вѣтвь младая,
Когда подпоры лишена,
Поблекнетъ, долу упадая,
Но вѣтеркомъ оживлена,
Вкругъ стебля новаго средь лѣта,
Обвившись листьями встаетъ,
Цвѣтетъ и солнцемъ обогрѣта,
Румянцемъ взоры всѣхъ влечетъ:
Такъ ты, въ женахъ, о милый Ангелъ!
Магнитъ очей, заря безъ тучь,
Какъ бракъ твой вновь позволилъ Павелъ,
И кинулъ на тебя свой лучь,
Подобно розѣ развернувшись,
Любви душею расцвѣла.
Ты красота, что, улыбнувшись,
Свой поясъ Марсу отдала.

XXVII.

КРЕЗОВЪ ЭРОТЪ.

Я у Креза зрѣлъ Эрота:
Онъ расплакавшись сидѣлъ
Среди мраморнаго грота,
Окруженный лѣсомъ стрѣлъ.

Пустъ колчанъ былъ, лукъ валялся,
Опущенна тетива,
Факелъ хладомъ околдованъ,
Чуть струилась синева.

Что, сказалъ я, такъ слезами
Льется сей крылатый богъ?
Иль толикими стрѣлами
Въ сердце чье попасть не могъ!

Иль его безсиленъ пламень?
Тщетенъ токъ прекрасныхъ слезъ?
Ахъ! нашла коса на камень:
Знать, любить не можетъ Крезъ.

XXVIII.

КЪ ЕВТЕРПѢ.

Пой, Эвтерпа дорогая!
Въ струны арфы ударяй,
Ты, поколь весна младая,
Пой, пляши и восклицай.
Ласточкой порхаетъ радость,
Кратко соловей поетъ:
Красота, пріятность, младость,
Не увидишь, какъ пройдетъ.

Браннымъ шлемомъ покровенный
Марсъ своей пусть жертвы ждетъ;
Рано ль, поздно ль, побѣжденный
Голіаѳъ предъ нимъ падетъ;
Вскинетъ тусклый и багровый
Съ скрежетомъ къ нему свой взглядъ,
И вѣнецъ ему лавровый,
Хоть не хочетъ, да отдастъ.

Пусть придворный суетится
За фортуною своей,
Если быть ему случится
И наперсникомъ у ней:
Рано ль, поздно ль, онъ наскучитъ
Кубариться кубаремъ;

Насъ фортуна часто учитъ
Горемъ быть богатыремъ.

Время все перемѣняетъ:
Птицъ умолкъ весеннихъ свистъ,
Лѣто знойно пробѣгаетъ,
Травъ зеленыхъ вянетъ листъ;
Идетъ осень златовласа,
Спѣлые несетъ плоды:
Красножелта ея ряса
Превратится скоро въ льды.

Марсъ устанетъ, — и любимецъ,
Счастья возметъ свой покой;
У твоихъ воротъ и крыльцъ
Царедворецъ и Герой
Брякнутъ въ кольца золотыя
Ты съ согласія отца
Бросишь взоры голубые
И зажжешь у нихъ сердца.

Съ сыномъ нѣги Марсъ заспоритъ
О любви твоей къ себѣ,
Сына нѣги онъ поборетъ
И понравится тебѣ;
Качества твои любезны
Всей душею полюбя,
Опершись на щитъ желѣзный,
Онъ воздремлетъ близъ тебя.

Пой, Эвтерпа молодая!

Прелестью своей плѣни;
Бога браней усыпляя,
Громъ изъ рукъ его возьми.
Лавромъ голова нагбенна
Къ персямъ склонится твоимъ,
И должна тебѣ вселенна
Будешь вѣкомъ золотымъ.

XXIX.

АНАКРЕОНЪ У ПЕЧКИ.

Случись Анакреону
Марію посѣщать;
Межь ними Купидону
Какъ бабочкѣ, летать.

Леталъ божокъ крылатый
Красавицы вокругъ,
И стрѣлы онъ пернаты
Накладывалъ на лукъ;

Стрѣлялъ съ ея небесныхъ
И голубыхъ очей,
И съ розъ въ устахъ прелестныхъ,
И на грудяхъ съ лилей.

Но арфу какъ Марія
Звончатую взяла,
И въ струны золотыя
Свой голосъ издала:

Подъ алыми перстами
Порхалъ рѣзвѣе богъ,
Острѣйшими стрѣлами
Разилъ сердца и жегъ.

Анакреонъ у печки
Вздохнулъ тогда сидя;
»Какъ бабочка от свѣчки,
Сгорю« — сказалъ — »и я.«

XXX.

ГЕРКУЛЕСЪ.

Геркулесъ пришелъ Данаю
Мимоходомъ навѣстить:
Я, сказалъ, тобой пылаю
(Онъ хотѣлъ съ ней пошутить).
Съ важнымъ взоромъ и умильнымъ,
Пламени въ лицѣ полна,
Вздумала съ Героемъ сильнымъ
Также пошутить она.

Начала съ нимъ разговоры;
Рѣчь за рѣчь и онъ повелъ;
Какъ-то встрѣтились ихъ взоры;
Нечувствительно, онъ сѣлъ;
И межъ тѣмъ, какъ занялися
Такъ они тутя собой,
Гдѣ, откуда ни взялися
Мальчиковъ крылатыхъ строй;
Вкругъ летали, турновали,
Надъ главами ихъ паря,
И подкравшись тихо крали
Все вокругъ богатыря;
Тотъ унесъ, кряхтя, дубину;
Тотъ сайдакъ, тотъ страшный мечъ;
Стеребили кожу львину
Тѣ съ его могущихъ плечъ.
Не могла не улыбнуться
Красота, какъ шлемъ сняла:
Не успѣлъ онъ оглянуться —
Въ шлемѣ страсть гнѣздо свила.

XXXI.

ПЧЕЛА.

Пчелка златая!
Что ты жужжишь?
Все вкругъ летая,
Прочь не летишь?
Или ты любишь
Лизу мою!

Соты ль душисты
Въ желтыхъ власахъ,
Розы ль огнисты
Въ алыхъ устахъ,
Сахаръ ли бѣлый
Грудь у нея?

Пчелка златая!
Что ты жужжишь?
Слышу, вздыхая,
Мнѣ говоришь:
Къ меду прилипнувъ,
Съ нимъ и умру.

XXXII.

ЛЮСИ.

О шы, Люсинька любезна!
Не бѣги меня, мой свѣшъ,
Чшо млада шы и прелесшна,
А я дуренъ, сшаръ и сѣдъ.
Взглянь на розы и лилеи:
Лель изъ нихъ вѣнки плешешъ.
Вкругъ швоей пріяшенъ шеи
Розовый и бѣлый цвѣшъ.

XXXIII.

БОЙ.

Предо мной хошѣлъ горою
Хладный Сѣверъ въ боѣ сшашь,
Если мнѣ любовь свѣчою
Придешъ душу зажигашь.
Въ мигъ съ перомъ сѣдымъ, кудрявымъ,
На меня надѣлъ шеломъ,
Воружилъ лицемъ багрянымъ
И съ морщинами челомъ;
Далъ копье мнѣ ледяное,
Препоясалъ вкругъ мечемъ;
Сердце мнѣ вложилъ шакое,

Что смотрѣлъ я Сентябремъ.
На доспѣхи положася,
И что весь я ледяной,
Я красавицъ не страшася,
Звалъ Любовь съ собою въ бой.
Тутъ откуда не возмися,
Предо мною Лель предсталъ,
Красной дѣвой нарядился;
Перевѣдайся, сказалъ.
Выступилъ я смѣло къ бою,
Наложа на сердце щитъ;
Мечь рукой, копье другою
Я поднявъ, хотѣлъ разить.
Началъ Лель перить въ щитъ стрѣлы,
А доспѣхи жечь свѣчой;
Стрѣлы, падая, шипѣли,
Шлемъ блисталъ на мнѣ зарей.
Я ужь думалъ, бой свершился,
И что я-то былъ Герой;
Лель упорствомъ разсердился,
Самъ вскочилъ мнѣ въ грудь стрѣлой:
Въ части мелкія кольчуга
Разлетѣлась, — я сталъ нагъ.
Ахъ! тщетна защита друга,
Если въ сердце вкрался врагъ.

XXXIV.

КУПИДОНЪ.

Подъ медвѣдицей небесной,
Средь ночныя темноты,
Какъ на міръ сей сонъ всемѣстной
Сыпалъ маковы цвѣты;
Какъ спокойно всѣ ужь спали
Отягченные трудомъ,
Слышу въ двери застучали
Кто-то громко вдругъ кольцомъ.
Кто, спросилъ я, въ дверь стучится
И тревожитъ сладкой сонъ?
»Отвори: чего страшиться?« —
Отвѣчалъ мнѣ Купидонъ —
»Я ребенокъ: какъ-то сбился
Въ ночь безлунную съ пути;
Весь дождемъ я замочился:
Не найду, куда итти.«
Жаль его мнѣ очень стало;
Всталъ, и высѣкъ я огня:
Отворилъ лишь двери мало, —
Прыгъ дитя передъ меня.
Въ тулѣ лукъ на немъ и стрѣлы;
Я къ огню съ нимъ поспѣшилъ,
Теръ руками руки мерзлы,
Кудри влажныя сушилъ.
Онъ успѣлъ лишь обогрѣться,
»Ну, посмотримъ-ка — сказалъ —

»Хорошо ли лукъ мой гнется ?
Не испорченъ ли чѣмъ сталъ?«
Молвилъ, и стрѣлу мгновенно
Острую въ меня пустилъ ;
Ранилъ сердце мнѣ смертельно ,
И смѣяся, говорилъ :
»Не тужи : мой лукъ годится ,
Тетива еще цѣла.«
Съ тѣхъ поръ началъ я крушиться ,
Какъ любви во мнѣ стрѣла.

XXXV.

ГОРЮЧІЙ КЛЮЧЬ.

Подъ свѣсомъ шумныхъ тополовыхъ
Кустовъ , въ тѣни, Киприднинъ сынъ
Покоился у водъ перловыхъ ,
Біющихъ съ горъ, и факелъ съ нимъ
Лежалъ въ травѣ, чуть чуть куряся.
Пришли тутъ Нимфы, и дивяся ,
»Что намъ !« — сказали — »Какъ съ нимъ быть?
Дай его воду, въ воду потопить ,
А съ нимъ и огнь, чѣмъ всѣ сгараютъ !«
И вотъ! — кипитъ ключь пѣной весь ;
Съ купающихся Нимфъ стекаютъ
Горящія струи поднесь.

XXXVI.

КЪ ЖЕНЩИНАМЪ.

Зевесъ быкамъ далъ роги,
Копыта лошадямъ,
Проворны зайцамъ ноги,
Зубасты зѣвы львамъ;
Способность плавать рыбамъ,
Пареніе орламъ,
Безстрашный духъ мущинамъ;
Но чтожь онъ далъ женамъ?
Чѣмъ все то замѣнить?
Красой ихъ надѣляетъ:
Огонь и мечь и щитъ
Красавица сражаетъ.

XXXVII.

СОЛОВЕЙ ВО СНѢ.

Я на холмѣ спалъ высокомъ,
Слышалъ гласъ швой, соловей;
Даже въ самомъ снѣ глубокомъ
Внятенъ былъ душѣ моей:
То звучалъ, то отдавался,
То стеналъ, то усмѣхался
Въ слухѣ издалече онъ, —
И въ объятіяхъ Каллисты
Пѣсни, вздохи, клики, свисты
Услаждали сладкій сонъ.

Если по моей кончинѣ,
Въ скучномъ, безконечномъ снѣ,
Ахъ! не будутъ такъ, какъ нынѣ,
Эти пѣсни слышны мнѣ,
И веселья и забавы
Плясокъ, ликовъ, звуковъ славы
Не услышу больше я:
Стану жь жизнью наслаждаться,
Чаще съ милой цѣловаться,
Слушать пѣсни соловья.

XXXVIII.

ВЕНЕРИНЪ СУДЪ.

На розѣ опочила,
Въ листахъ пчела сидя,
Вдругъ въ пальчикъ уязвила
Венерино дитя:
Вскричалъ, вспорхнулъ крылами,
И къ матери бѣжитъ;
Обливишися слезами,
Пропалъ, умру, кричитъ:
Ужаленъ небольшою
Крылатой я змѣей,
Которая пчелою
Зовется у людей.
Богиня отвѣчала:
Суди жь: коль такъ пчелы
Тебя терзаетъ жало,
Что жь твой ударъ стрѣлы?

XXXIX.

РОЖДЕНІЕ КРАСОТЫ.

Сотворя Зевесъ вселенну,
Звалъ боговъ всѣхъ на обѣдъ;
Вкругъ нектара чашу пѣнну
Разносилъ имъ Ганимедъ.
Медъ, амброзія блистала
Въ ихъ устахъ, по лицамъ огнь,
Благовоній мгла летала
И Олимпъ былъ свѣта полнъ,
Раздавались пѣсенъ хоры
И звучалъ весельемъ пиръ;
Но незапно какъ-то взоры
Опустилъ Зевесъ на міръ,
И увидя Царства, грады,
Что погибли отъ боевъ;
Что богини мещутъ взгляды
На бѣднѣйшихъ пастуховъ;
Распалился столько гнѣвомъ,
Что курчавой головой
Покачавъ, шатнулъ всѣмъ небомъ,
Адомъ, моремъ и землей.
Въ мигъ сокрылся блескъ лазуря:
Тма съ бровей, огонь съ очесъ,
Вихорь съ ризъ его, и буря
Восшумѣла отъ небесъ;
Разразились всюду громы,

Мракъ во пламени горѣлъ,
Яры волны, будто холмы,
Понтъ стремился и ревѣлъ;
Въ растворенны безднъ утробы
Тартаръ искры извергалъ;
Въ тучи Фебъ, какъ въ черны гробы,
Погруженный трепеталъ;
И средь страшной сей тревоги
Коль еще бы грянулъ громъ,
Міръ, Олимпъ, боговъ чертоги
Повернулись бы вверхъ дномъ.
Но Зевесъ вдругъ умилился:
Стало, знать, красавицъ жаль;
А какъ съ ними ни смирился,
Новую тотчасъ создалъ:
Ввилъ въ власы пески злашые,
Пламя въ щеки и уста,
Небо въ очи голубыя,
Пѣну въ грудь, — и Красота
Въ мигъ изъ волнъ морскихъ родилась;
А взглянула лишь она,
Тотчасъ буря укротилась,
И настала тишина.
Сизы, юные дельфины,
Облелѣя табуномъ,
На свои ее взявъ спины,
Мчали по пучинѣ волнъ.
Бѣлы голуби станицей,
Гдѣ откуда ни взялись,
Подъ жемчужной колесницей
Съ ней на воздухъ поднялись;

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

XI.

СКРОМНОСТЬ.

Тихій, милый вѣтерочекъ,
Какъ порхнешь ты на любезну,
Какъ лобзанье ей въ ушко шепчи:
Если спроситъ, чье? — молчи.

Чистый, быстрый ручеечикъ,
Если встрѣтишь ты любезну,
Какъ слезинка ей въ лице плесни:
Если спроситъ, чья? — молчи.

Ясный, ведреный денечикъ,
Какъ освѣтишь ты любезну,
Взглядовъ пламенныхъ ей брось лучи:
Если спросишъ чьи? — молчи.

Темный, миртовый лѣсочикъ,
Какъ сокроешь ты любезну,
Тихо вѣткой грудь ей щекочи:
Если спроситъ, кто? — молчи.

XLI.

ДАРЪ.

»Вотъ,« — сказалъ мнѣ Аполлонъ —
»Я даю тебѣ ту лиру,
Коей нѣжный, звучный тонъ
Можетъ быть пріятенъ міру.

«Пой Вельможей и Царей,
Коль захочешь быть имъ нравенъ;
Лирою чрезъ нихъ ты сей
Можешь быть богатъ и славенъ.

Если жь пышность, санъ, богатство
Не по склонностямъ твоимъ,
Пой любовь, покой, пріятство
Будешь красотой любимъ.»

Взялъ я лиру и запѣлъ, —
Струны правду зазвучали:

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]!
[illegible] [illegible] [illegible].

Я [illegible]. [illegible] [illegible].
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible].
Я богатымъ быть не могъ:
Но я [illegible] [illegible] [illegible].

XLII.

ЖЕЛАНІЕ.

Къ богамъ земнымъ сближаться
Ничуть я не ищу.
И больше возвышаться
Никакъ я не хочу.

Души моей покою
Желаю только я:
Лишь будь всегда со мною
Ты, Дашенька моя!

XLIII.

ГОСТЮ.

Сядь, милый гость, здѣсь на пуховомъ
Диванѣ мягкомъ, отдохни;
Въ семъ тонкомъ пологу, перловомъ,
И въ зеркалахъ вокругъ, усни;
Вздремли послѣ стола немножко:
Пріятно часикъ похрапѣть:
Златой кузнечикъ, сѣра мошка,
Сюда не могутъ залетѣть.

Случится, что изъ сновъ прелестныхъ
Приснится здѣсь тебѣ какой:
Хоть кладъ изъ облаковъ небесныхъ
Златой посыплется рѣкой,
Хоть дѣвушки мои домашни
Рукой тебѣ махнутъ, — я радъ:
Любовныя пріятны шашни,
И поцѣлуй въ сей жизни кладъ.

XLIV.

ДРУГУ.

Пойдемъ сегодня благовонный
Мы черпать воздухъ, другъ мой, въ садъ,
Гдѣ вязы стройны, сосны темны,
Густыми купами стоятъ;
Которой съ милыми друзьями,
Съ надеждами сердецъ своихъ,
Садили мы, растили сами;
Ужъ намъ тѣнь пріятна въ нихъ.

Пусть Даша смуглянка, черноока,
И круглолицая, своимъ
Взмахнувъ челомъ, какъ у потока,
А бѣлокурая живымъ
Намъ Лиза, какъ зефиръ, порханьемъ,
Протанцуетъ вмѣстѣ казачка,
И нектаръ съ пламеннымъ сверканьемъ
Ихъ розова подаетъ рука.

Мы, сидя тамъ въ тѣни древесной,
За здравье выпьемъ всѣхъ людей:
Сперва за женскій полъ прелестной,
За искреннихъ своихъ друзей;
Потомъ за тѣхъ, кто намъ злодѣи: —
Съ одними намъ пріятно быть;
Другіе же, какъ скрыты змѣи,
Насъ учатъ осторожно жить.

XLV.

ПАРАШѢ.

Бѣлокурая Параша,
Сребророзова лицомъ,
Коей мало въ свѣтѣ краше
Взоромъ, сердцемъ и умомъ!

Ты, которой повторяетъ
Звучну арфу нѣжный гласъ,
Какъ палата ударяетъ
Въ струны, утѣшая насъ.

Встань, пойдемъ на лугъ широкой,
Мягкой, скатистой, къ прудамъ;
Тамъ подъ сѣнью древъ далекой
Сядемъ, взглянемъ по струямъ:

Какъ скользя по нихъ сверкаетъ
Лучь отъ Царскихъ теремовъ,
Звѣзды, солнцы разсыпаетъ
По тѣнямъ между кустовъ.

Какъ за сребряной плотицей
Линь златой по дну бѣжитъ:
За прекрасною дѣвицей,
За тобой, Амуръ летитъ.

XLVI.

ПИРРѢ.

Какой тамъ молодецъ проворной,
Прекрасный, статный, вспрыскaнъ весь
Водой душистой, благовонной,
Въ саду, въ цвѣтахъ между древесъ,
Тебя въ бесѣдкѣ обнимаетъ?
Толь страстно къ сердцу прижимаетъ,
И огнь съ смѣющихся пьетъ розъ?
И для кого ты такъ небрежно
На голубые взоры нѣжно
Спустила прядь златыхъ волосъ?

Увы! онъ сколько разъ слезами
Омочитъ страстную любовь,
Какъ вдругъ межь черными волнами,
Отплывъ далеко отъ бреговъ,
Себя увидитъ, проклиная. . . .
Такъ, Пирра, Пирра дорогая!
Кто столько легковѣрнымъ сталъ,
Что вѣкъ тобой мнитъ наслаждаться:
Тотъ долженъ искренно признаться,
Что бурь онъ въ морѣ не видалъ.

О злаполучна и несчастна,
Безопытная молодежь!
Предъ кѣмъ ты, бывши такъ прекрасно,

Свою, блистая, прелесть льешь?
Но если бъ что меня касалось,
Тебѣ ль, другой ли помечталось, —
Скажу: бывалъ я на моряхъ,
Терпѣлъ и кораблекрушенья;
Но днесь, въ знакъ моего спасенья,
Виситъ ужь опущенъ мой флагъ.

XLVII.

ПОРТРЕТЪ ВАРЮШИ.

Милая заря весення,
Алымъ блескомъ покровенна,
Какъ встаешь съ кристальныхъ водъ,
И въ небесный идешъ сводъ,
Мещетъ яхонтные взоры;
Тихій свѣтъ и огнь живой
Проницаетъ тверды горы:
Какъ Варюша образъ твой.

XLVIII.

БОГАТСТВО.

Когда бы было намъ богатствомъ
Возможно кратку жизнь продлить,
Не ставя ничего препятствомъ,
Я сталъ бы золото копить.
Копилъ бы для того я злато,
Чтобы какъ придетъ смерть сражать,
Тряхнуть карманомъ тароватo,
И жизнь у ней на откупъ взять.
Но ежели нельзя казною
Купить минуты ни одной,
Почто же злата намъ алчбою
Такъ много нашъ смущать покой?
Не лучше ль въ пиршествахъ пріятныхъ
Съ друзьями время проводить;
На ложахъ мягкихъ, ароматныхъ,
Младымъ красавицамъ служить?

XLIX.

ГОРЫ.

Желалъ бы вѣкъ я быть съ Жидовочкой
прекрасной,
Чтобъ въ Горкахъ и въ Горахъ съ ней время
проводить;
Но вмѣсто я того, по волѣ Царской, властной,
Обязанъ истину въ толпѣ крестьянъ слѣдить.
Оставя арфы звукъ, гитары, фортопьяна,
Волшебный гласъ ея и пляску казачка,
Я долженъ розыскать, какъ чернь была вся пьяна,
Какъ Земскому Суду угладила бока;
И словомъ, всякій день подобнымъ занимаясь,
Лишь въ мысляхъ красоты Жидовочкины зрѣть;
Талантовъ тысячью и прелестьми плѣняясь,
Бекасами ея лишь — сыту быть умѣть.

L.

ГОРКИ.

Сегодни мы твое рожденье
Пируемъ въ Горкахъ и Горахъ;
За здравье пьемъ, и въ восхищеньѣ
Тебѣ желаемъ всякихъ благъ;
А то жь и твоему супругу,
Чтобъ долго и пріятно жить,
И недругу давать и другу
Пиры, забавы, — ѣсть и пить.

LI.

ВИША.

Сей день устлали цвѣтами
Младыя дѣвы ложе мнѣ,
И тихихъ пѣсенъ голосами
Восхитили мой духъ во снѣ.
Казалося, за ними слѣдомъ
Я по лугамъ, лѣсамъ ходилъ,
И съ липъ златымъ питаясь медомъ,
Благоуханный воздухъ пилъ;
Близъ водъ жилъ въ полѣ Елисейскомъ,
Веселостей вкушая тму;
Но вставъ, увидѣлъ: въ миломъ, сельскомъ
Твоемъ, Жуковскій, я дому.

LII.

МЕЛЬНИКЪ.

Вечоръ мнѣ красныя дѣвицы
Мѣшокъ пшеницы принесли:
»Вѣдь расклююшъ же даромъ пшицы:
Возьми, стаpинушка, смели.«
Бѣла пшеница и румяна,
И шакъ была полна зерномъ,
Что вмигъ пришла охоша рьяна;
Я ну молошь всѣмъ живошомъ.
Мололъ я присшально, шрудился,
Ночь цѣлую провелъ безъ сна:
Но что жь? — какъ ни пошѣлъ, ни бился,
Не раскололъ я ни зерна.
Смѣясь, мнѣ дѣвушки въ назолу
Пеняли: — »Что жь не мелешь, дѣдъ?«
— »А вы,« сказалъ я: »для помолу
Пришли, какъ жорновъ не берешъ.«

LIII.

ПТИЦЕЛОВЪ.

Эротъ, чтобъ слабымъ старикомъ
Казаться, гуню надѣлъ худую,
Покрылся бѣлымъ парикомъ,
И бороду себѣ сѣдую
Привѣся, посохъ въ руки взялъ;
Пошелъ въ лѣсу ловить дичину,
И тамъ по сучьямъ раскидалъ
Такъ хитро сѣть, какъ паутину:
А нужно гдѣ, то и златой
Разсыпалъ по мѣстамъ пшеницы,
Чтобы приманкою такой
Скорѣе побуждались птицы
Слетаться въ тайную сѣть.
Лишь столъ увидѣли богатый,
Не позамедлили летѣть
Къ нему различныя пернаты,
И носиками ну клевать,
Ну зоблить зерна золотыя,
А тутъ же въ сѣти попадать
И путаться, какъ бы слѣпыя.
Эротъ, смекнувъ, что у одной
Голубки хвостикъ увязился
Во ячею и съ головой,
Вспорхнулъ — и къ добычѣ пустился,
Сверкнулъ, какъ огненна стрѣла,

И въ сердце вмигъ ея вонзился:
Ручьемъ кровь ала потекла.
Ахъ! не клевать было пшеницы
Вамъ, бѣднымъ пташкамъ, золотой!
Не вѣрьте, красныя дѣвицы,
Впередъ и бородѣ сѣдой!

LIV.

СТРѢЛОКЪ.

Я охотникъ былъ изъ млада
За дичиною гулять:
Меду сладкаго не нада,
Лишь бы въ полѣ постреляшь.

На лету я птицъ пернатыхъ,
Гдѣ завидѣлъ, тутъ стрѣлялъ;
Въ нехохлатыхъ и хохлатыхъ,
Лишь прицѣлилъ, попадалъ.

Но вечоръ вдругъ повстрѣчалась
Лебедь бѣлая со мной,
Вмигъ крыльями размахалась,
И пошла ко мнѣ на бой.

Хвать въ колчанъ, . . . анъ стрѣлъ ужь нѣту;
Лукъ опущенъ; сталъ въ я пень.

LVI.

РУССКІЯ ДѢВУШКИ.

Зрѣлъ ли ты, Пѣвецъ Тіискій,
Какъ въ лугу весной бычка
Пляшутъ дѣвушки Россійски
Подъ свирѣлью пастушка?
Какъ, склонясь главами, ходятъ,
Башмаками въ ладъ стучатъ,
Тихо руки, взоръ поводятъ,
И плечами говорятъ?
Какъ ихъ лентами злачными
Челы бѣлыя блестятъ,
Подъ жемчугами драгими
Груди нѣжныя дышатъ?
Какъ сквозь жилки голубыя
Льется розовая кровь,
На ланитахъ огневыя
Ямки врѣзала любовь!
Какъ ихъ брови соболины,
Полный искръ соколій взглядъ,
Ихъ усмѣшка — души львины
И орловъ сердца разятъ?
Коль бы видѣлъ дѣвъ сихъ красныхъ,
Ты бъ Гречанокъ позабылъ,
И на крыльяхъ сладострастныхъ
Твой Эротъ прикованъ былъ.

LVII.

ПѢСНЬ БАЯРДА.

Сладостное чувствъ томленье,
Огнь души, цѣпь изъ цвѣтовъ!
Какъ твое намъ вдохновенье
Восхитительно, Любовь!

Нѣтъ блаженнѣе той части,
Какъ быть въ плѣнѣ милой власти,
Какъ взаимно цѣпь носить,
Быть любиму и любить.

Умножайся, пламень нѣжный,
Подъ желѣзной латой сей;
Печатлѣйся, видъ любезный,
Въ мысляхъ и душѣ моей!

Нѣтъ блаженнѣе той части,
Какъ быть въ плѣнѣ милой власти,
Какъ взаимно цѣпь носить,
Быть любиму и любить.

Въ бой иду, не ужасаюсь;
Честь любезной отомщу.
Соблещите, (ополчаюсь!)
Молньи, моему мечу!

Нѣтъ блаженнѣе той части,
Какъ быть въ плѣнѣ милой власти,
Какъ взаимну цѣпь носить,
Быть любиму и любить.

LVIII.

ВАРЮШКА.

Какъ, Варюша, ты прекрасна!
Если не изъ сердца страстна,
А изъ дружбы лишь одной,
Я, писавши образъ твой,
Написалъ тебя зарею;
То моложе если бъ былъ,
Я бы съ пламенной душею
Въ тебѣ солнце находилъ.

Написалъ бы, какъ въ диванѣ
Въ голубомъ твоемъ тюрбанѣ,
Ты сидишь, и для красы
На чело спустя власы,
Всѣхъ улыбкою любезной
Вмигъ умѣешь полонить:
Должно быть душѣ желѣзной,
Чтобъ, взглянувъ, не полюбить.

Гдѣ сокровище такое,
Толь прелестное, драгое,
Толь блистающій алмазъ
Былъ бы скрыть отъ жадныхъ глазъ
Брильянтщика младаго.
Что купить тебя не могъ?
Отъ [illegible] глазъ бы [illegible] злаго
Спряталъ, заперъ за замокъ.

Не прельщенный, не завидной
Ты жемчугъ, цѣны несчетной.
И нельзя тебя купить
Кучей злата [illegible]:
А чтобъ нравиться прекрасной
И плѣнить тебя кто могъ.
Нуженъ [illegible] нѣжный, страстный,
Взглядъ любви — крылатый богъ.

LIX.

АРФА.

Не въ лѣтній ль, знойный день прохладный вѣтерокъ
Въ легчайшемъ снѣ на грудь мою пріятно дуешь?
Не въ злакѣ ли журчишь хрустальный ручеекъ?
Иль милая въ тѣни древесъ меня цѣлуешь?

Нѣтъ! арфу слышу я: ея волшебный звукъ,
На розахъ дремлющій, согласьемъ тихоструннымъ,
Какъ эхо, мнѣ вдали щекочетъ нѣжно слухъ,
Иль шумомъ будитъ вдругъ вблизи меня перуннымъ.

Такъ! ты, подруга Музъ, лiешь мнѣ твой восторгъ,
Подъ быстрою рукой играющей Хариты,
Когда ея чело вѣнчаетъ вкуса богъ,
И улыбаются любовію ланиты.

Какъ весело внимать, когда съ тобой она
Поетъ про родину, отечество драгое,
И возвѣщаетъ мнѣ, какъ тамъ цвѣтетъ весна,
Какъ время катится въ Казани золотое!

О колыбель моихъ первоначальныхъ дней,
Невинности моей и юности обитель!
Когда я освѣщусь опять твоей зарей,
И твой по прежнему всегдашній буду житель?

Когда наслѣдственны стада я буду зрѣть,
Васъ, дубы Камскіе, отъ времени почтенны,
По Волгѣ между селъ на парусахъ летѣть,
И гробы обнимать родителей священны?

Звучи, о арфа, ты все о Казани мнѣ!
Звучи, какъ Павелъ въ ней явился благодатенъ!
Мила намъ добра вѣсть о нашей сторонѣ:
Отечества и дымъ намъ сладокъ и пріятенъ.

IX.

НА РАЗЛУКУ.

Не раздаются больше звуки
Уже въ диванѣ мнѣ тобой;
Бѣгу всякъ часъ, бѣгу отъ скуки,
А скука слѣдуетъ за мной.
Когда жъ назадъ ты возвратишься,
Весельемъ мой наполнишь домъ?
Иль съ арфою навѣкъ простишься,
Съ Мурзой, Милордомъ и котомъ?
Пожалуй возвратись скорѣе,
Пріятны возврати часы,
И Дашу сдѣлай веселѣе,
И почеши Мурзѣ усы.

LXI.

ЦЫГАНСКАЯ ПЛЯСКА.

Возьми, Египтянка, гитару,
Ударь по струнамъ, восклицай;
Исполнясь сладострастна жару,
Твоей всѣхъ пляской восхищай.
Жги души, огнь бросай въ сердца
Отъ смуглаго лица.

Неистово, роскошно чувство,
Нервъ трепетъ, млѣніе любви,
Волшебное заразъ искусство
Вакханокъ древнихъ оживи.
Жги души, огнь бросай въ сердца
Отъ смуглаго лица.

Какъ ночь, — съ ланитъ сверкай зарями,
Какъ вихорь, — прахъ плащемъ сметай,
Какъ птица, — подлетай крылами,
И въ длани съ визгомъ ударяй.
Жги души, огнь бросай въ сердца
Отъ смуглаго лица.

Подъ лѣсомъ нощію сосновымъ,
При блескѣ блѣдныя луны,

Тоской по нѣгамъ пробуждай.
Буди сонъ мертвой тишины.
Жги души, огнь бросай въ сердца
Отъ смуглаго лица.

Да вихрь твой, Эвоэ! ужасный,
Вдали внимаясь съ воемъ волнъ,
Бѣжитъ вослѣдъ гулы опасны,
А сластолюбье любви.
Жги души, огнь бросай въ сердца
Отъ смуглаго лица.

Нынѣ, стой, прелестница! довольно:
Музъ скромныхъ больше не страши;
Но плавно, важно, благородно,
Какъ Русска дѣва, пропляши.
Жги души огнь бросай въ сердца,
И въ нѣжнаго пѣвца.

LXII.

ЦѢПИ.

Не сѣтуй, милая, со груди что твоей
Сронила невзначай ты цѣпи дорогія:
Милѣе вольности нѣтъ въ свѣтѣ для людей;
Оковы тягостны, хотя онѣ златыя.

Такъ наслаждайся жь здѣсь ты вольностью святой,
Свободною живя, какъ вѣтерокъ въ полянкѣ;
По рощамъ пролетай, кропися водъ струей,
И чѣмъ въ Петрополѣ, будь счастливѣй на Званкѣ.

А если и тебѣ подъ бремя чьихъ оковъ
Подвергнуться велитъ когда либо природа:
Смотри, чтобъ ихъ плела любовь лишь изъ цвѣтовъ;
Пріятнѣй этотъ плѣнъ, чѣмъ самая свобода.

LXIII.

ПРИЗЫВАНІЕ И ЯВЛЕНІЕ ПЛѢНИРЫ.

Приди ко мнѣ, Плѣнира,
Въ блистаніи луны,
Въ дыханіи зефира,
Во мракѣ тишины!
Приди въ подобьи тѣни
Въ мечтѣ, иль легкомъ снѣ,
И сидши на колѣни,
Прижмися къ сердцу мнѣ;
Движенія исчисли,
Вздыханія измѣрь,
И всѣ мои ты мысли
Проникни и повѣрь:
Хоть острый серпъ судьбины
Моихъ не коситъ дней,
Но нѣтъ ужъ половины
Во мнѣ души моей.

Я вижу, ты въ туманѣ
Течешь ко мнѣ рѣкой!
Плѣнира на диванѣ
Простерлась надо мной, —
И легкимъ осязаньемъ
Устъ сладостныхъ твоихъ,
Какъ вѣтерокъ дыханьемъ,

Въ объятіяхъ своихъ
Меня ты утѣшаешь,
И шепчешь нѣжно въ слухъ:
»Почто такъ сокрушаешь
Себя, мой милый другъ?
Нельзя смягчить судьбины,
Ты столько слезъ не лей;
Миленой половину
Займи души твоей.«

LXIV.

САФО.

Блаженъ, подобится богамъ
Съ тобой сидящій въ разговорахъ,
Сладчайшимъ внемлющій устамъ,
Улыбкѣ нѣжной въ страстныхъ взорахъ!

Увижу ль я сіе, — и въ мигъ
Трепещетъ сердце, грудь тѣснится,
Нѣмѣетъ рѣчь въ устахъ моихъ,
И молнія по мнѣ стремится.

По слуху шумъ, по взорамъ мракъ,
По жиламъ хладъ я ощущаю:
Брожу, блѣднѣю, — и какъ злакъ
Упадшій, вяну, умираю.

У насъ не стыдно и Герою
Повиноваться красотамъ;
Всегда одной дышать войною
Прилично варварамъ, не намъ.

У насъ лишь для того собранье,
Чтобъ въ жизни сладость дочерпать;
Любви и дружества желанье —
Между собой цвѣты срывать.

Кто ищетъ общества, согласья,
Приди, повеселись у насъ;
И то для человѣка счастье,
Когда одинъ пріятенъ часъ.

LXVIII.

РАЗНЫЯ ВИНА.

Вотъ красно-розово вино:
За здравье выпьемъ женъ румяныхъ.
Какъ сердцу сладостно оно
Намъ съ поцѣлуемъ устъ багряныхъ!
Ты тожь румяна, хороша:
Такъ поцѣлуй меня, душа:

Вотъ черно-шипово вино:
За здравье выпьемъ чернобровыхъ.

Какъ сердцу сладостно оно
Намъ съ поцѣлуемъ устъ пунцовыхъ!
Ты тожь, смуглянка, хороша:
Такъ поцѣлуй меня, душа!

Вотъ злато - Кипрское вино:
За здравье выпьемъ свѣтловласыхъ.
Какъ сердцу сладостно оно
Намъ съ поцѣлуемъ устъ прекрасныхъ!
Ты тожь, бѣлянка, хороша:
Такъ поцѣлуй меня, душа!

Вотъ слезы Ангельски вино:
За здравье выпьемъ женъ мы нѣжныхъ.
Какъ сердцу сладостно оно
Намъ съ поцѣлуемъ устъ любезныхъ!
Ты тожь нѣжна и хороша:
Такъ поцѣлуй меня, душа!

LXIX.

ФИЛОСОФЫ, ПЬЯНЫЙ и ТРЕЗВЫЙ

Пьяный.

Сосѣдъ! на свѣтѣ все пустое:
Богатство, слава и чины;
А если за добро прямое
Мечты быть могутъ почтены:
То здраво и покойно жить,
Съ друзьями время проводить,
Красотъ любить, любимымъ быть,
И съ ними сладко ѣсть и пить.

Какъ пѣнится вино прекрасно!
Какой въ немъ запахъ, вкусъ и цвѣтъ!
Почто терять часы напрасно?
Нальемъ, любезный мой сосѣдъ!

Трезвый.

Сосѣдъ! на свѣтѣ не пустое
Богатство, слава и чины;
Блаженство сыщемъ въ нихъ прямое,
Когда мы будемъ лишь умны,
Привыкнемъ прямо честь любить,
Умѣренно, въ довольствѣ жить,

По самой нуждѣ ѣсть и пить:
То можемъ всѣ счастливы быть.

Пусть пѣнится вино прекрасно,
Пусть запахъ въ немъ хорошъ и цвѣтъ;
Не наливай ты мнѣ напрасно:
Не пью, любезный мой сосѣдъ!

Пьяный.

Гонялся я за звучной славой,
Встрѣчалъ я смѣло ядра лбомъ;
Сей звѣрской упоенъ отравой,
Я былъ ужаснымъ дуракомъ.
Какая польза страшнымъ быть,
Себя губить, другихъ мертвить,
Въ убійствѣ время проводить?
Безумно на убой ходить.

Какъ пѣнится вино прекрасно!
Какой въ немъ запахъ, вкусъ и цвѣтъ!
Почто терять часы напрасно?
Нальемъ, любезный мой сосѣдъ!

Трезвый.

Гоняться на войнѣ за славой
И съ ядрами встрѣчаться лбомъ
Велитъ тому разсудокъ здравой,
Кто лишь рожденъ не дуракомъ:
Царю, отечеству служить,

Чадъ, женъ, родителей хранить,
Себя отъ плѣна боронить —
Священна должность храбрымъ быть!

Пусть пѣнится вино прекрасно,
Пусть запахъ въ немъ хорошъ и цвѣтъ;
Не наливай ты мнѣ напрасно:
Не пью, любезный мой сосѣдъ!

Пьяный.

Хотѣлъ я сдѣлаться судьею,
Законы свято соблюдать:
Увидѣлъ, что кривятъ душею,
Гдѣ должно сильныхъ осуждать.
Какая польза такъ судить?
Однихъ щадить, другихъ казнить,
И совѣстью своей шутить?
Смѣшно въ тенета мухъ ловить.

Какъ пѣнится вино прекрасно!
Какой въ немъ запахъ, вкусъ и цвѣтъ!
Почто терять часы напрасно?
Нальемъ, любезный мой сосѣдъ!

Трезвый.

Когда судьба тебѣ судьею
Въ судахъ велѣла засѣдать:
Вертѣться нужды нѣтъ душею,
Когда не хочешь взятокъ брать.

Какъ можно такъ и сякъ судить,
Закономъ правду тенетить,
И подкупать себя пустить?
Судьѣ злодѣемъ страшно быть!

Пусть пѣнится вино прекрасно,
Пусть запахъ въ немъ хорошъ и цвѣтъ;
Не наливай ты мнѣ напрасно:
Не пью, любезный мой сосѣдъ!

LXX.

ЗАЗДРАВНЫЙ ОРЕЛЪ.

По Сѣверу, по Югу,
Съ Москвы орелъ паритъ;
Всему земному кругу
Полетъ его звучитъ.

О! исполать, ребяты,
Вамъ, Русскіе солдаты!
Что вы неустрашимы,
Никѣмъ непобѣдимы:
За здравье ваше пьемъ!

Орелъ бросаетъ взоры
На льва и на луну,

Стокгольмы и Босфоры
Всѣ бьютъ челомъ ему.

О! исполать вамъ, вои,
Безсмертные Герои,
Румянцевъ и Суворовъ!
За столько славныхъ боевъ:
Мы въ память вашу пьемъ?

Орелъ глядитъ очами
На солнце съ высоты;
Герои подъ шлемами,
На женски красоты.

О! исполать, красотки,
Вамъ, Росски Амазонки!
Вы въ мужествѣ почтенны,
Вы въ нѣжности любезны:
Заздравье ваше пьемъ!

LXXI.

ГОЛУБКА.

Отколь, голубка мила,
Летишь такъ рѣзво ты?
Откуда, бѣлокрыла,
На воздухъ льешь цвѣты,
И сладкій запахъ въ чувства?
Кто, съ чѣмъ послалъ тебя?

Голубка.

Богъ свѣта и искусства
Послалъ съ письмомъ меня
Къ красавцу молодому,
Къ Владыкѣ всѣхъ сердецъ,
Къ тому божку земному,
Кто подданнымъ отецъ,
Кому меня Фелица
Въ наслѣдье отдала:
»Будь Хлорова ты птица,« —
Съ усмѣшкою рекла —
»Носи ему съ небесной
Ты пѣсни вышины;
Какъ славой мнѣ, всемѣстной
Наполнь его страны.« —
И я съ тѣхъ поръ, какъ должно,
Ему, какъ ей, служу;

Пріятную, сколь можно,
Гармонію ношу;
А онъ за то злашую
Мнѣ хочетъ вольность дать,
Но дастъ, иль нѣтъ, какую,
Мнѣ нечего желать.
Какая это воля,
Летала чтобъ одна;
Была бъ безвѣстна доля,
Была бы холодна?
Коль днесь пшеницей Хлоромъ
Изъ устъ его кормлюсь,
Его питаясь взоромъ,
Счастливою зовусь:
На лонѣ, иль на шлемѣ
Кружусь, воркую я,
И въ сладкомъ этомъ плѣнѣ
Мила всѣмъ пѣснь моя.

Прости жь меня, прохожій!
Не будь къ болтанью строгъ.
Сей день была похожей
Голубка на сорокъ.

LXXII.

ЛИЗѢ.

ПОХВАЛА РОЗѢ.

Я воспѣлъ весну прекрасну,
Нынѣ розу я пою;
Всѣхъ цвѣтовъ пою изящну
Я красавицу мою.
Лиза! другъ мой милый, юной?
Розѣ гласъ свой посвящай,
На гитарѣ тихострунной
Пѣснь мою сопровождай.
Роза зрѣнію любезна,
Обонянію мила,
Здравью, разуму полезна,
И невинностью свѣтла.
Роза пѣнія достойна,
Даръ священный олтарей;
Царствъ Владычицамъ подобна,
Въ одѣяніи Царей.
Роза, если устрашаетъ,
Тернъ свой ставя чести въ щитъ:
Во цвѣтахъ благоухаетъ,
Очи, души веселитъ;
Розовы уста прекрасны:
На ланитахъ милъ ихъ смѣхъ;
На грудяхъ лилейныхъ ясны,

Любы Лелю для ушѣхъ.
Розы старцамъ утѣшенье:
Свяшъ вѣнецъ ихъ мудрецамъ:
Розы дѣвамъ украшенье,
Восхищенье молодцамъ.
Розы лучшее убранство
И пріяшностей младыхъ;
Розы красотѣ въ подданство
Клоняшъ и владыкъ земныхъ.
Розы въ пиршествахъ ушѣха, —
На госшяхъ, какъ огнь, цвѣшушъ;
Розы въ скукѣ не помѣха,
Услаждаюшъ скорбь и шрудъ.
Розовы листы нагрѣшы
Вздохомъ устъ, ударомъ рукъ,
Счастливой любви обѣшы —
Громкій производяшъ звукъ.
Розы шо жь намъ помогаюшъ,
Какъ и стрѣлы, побѣждашь;
Коль красу гдѣ выхваляюшъ,
Льзя ли розой не назвашь?
Роза другъ зари румяной,
Дщерь весны и кринъ небесъ;
Миръ даешъ душѣ печальной,
Изсушаешъ шоки слезъ.
Розу въ лучшіе дни года
Прославляешъ соловей;
Зефиръ вѣешъ, и Природа
Улыбаешся вся ей.
Розы въ жизни насъ прельщаюшъ,
Намъ по смерши розы честь;

Стихотворцы воспѣваютъ
Розовой Авроры перстъ.
Роза всѣмъ кустамъ царица,
Ароматовъ сладкихъ мать;
Бисеромъ своимъ зарница
Розу любитъ окроплять.
Роза міру покрывало,
Образъ солнца, красоты;
Розу похвалить чѣмъ, мало:
Будь мнѣ, Лиза, ею — ты!

LXXIII.

ХМЕЛЬ.

Хмель какъ въ голову залѣзетъ,
Всѣ бѣгутъ заботы прочь;
Крезъ съ богатствами исчезнетъ;
Пью! — и всѣмъ вамъ добра ночь.
Плющемъ лежа увѣнчанный,
Ни во что весь ставлю свѣтъ;
Въ бой идетъ пускай мужъ бранный, —
У меня охоты нѣтъ.
Мальчикъ! чашу сокомъ алымъ
Поспѣши мнѣ наливать;
Мнѣ гораздо лучше пьянымъ,
Чѣмъ покойникомъ, лежать.

LXXIV.

АНАКРЕОНОВО УДОВОЛЬСТВІЕ.

Почто Витіевъ правилъ
Мнѣ выючить бремена?
Премудрость я оставилъ:
Не надо мнѣ она.
Вы лучше поучите,
Какъ сокъ мнѣ Вакховѣ пить;
Съ прекрасной помогите
Венерой потушить.
Ужь нѣтъ мнѣ больше силы
Съ ней одному владѣть;
Подай мнѣ, мальчикъ милый,
Вина хоть поглядѣть;
Авось еще немного
Мой разумъ усыплю:
Приходитъ время строго,
Покину, что люблю.

LXXV.

МОРЕХОДЕЦЪ.

Что вѣтры мнѣ и сине море?
Что громъ, и штормъ, и океанъ?
Гдѣ ужасы, и гдѣ тутъ горе,
Когда въ рукахъ съ виномъ стаканъ?
Спасетъ ли насъ компасъ, руль, снасти?
Нѣтъ! сила въ томъ, чтобъ духъ пылалъ.
Я пью, и не боюсь напасти:
Приди хотя девятый валъ!
Приди, и волнъ зіяй утроба!
Мнѣ лучше пьянымъ утонуть,
Чѣмъ трезвымъ доживать до гроба,
И съ плачемъ плыть въ толь дальній путь.

LXXVI.

МАХІАВЕЛЪ.

Царей насмѣшникъ, иль учитель
Великихъ, иль постыдныхъ дѣлъ!
Душъ слабыхъ, мелкихъ обольститель,
Поди отъ насъ, Махіавель!
Не надо намъ твоихъ замашекъ,
Обмановъ тонкихъ, хитростей:
Довольно полныхъ пуншемъ чашекъ
Для счастія честныхъ людей;
Довольно видѣть сквозь покалы
Всю нашихъ внутренность сердецъ,
На бой насъ посылать, на балы,
Изъ лавровъ плесть и розъ вѣнецъ.

LXXVII.

ГРАФИНѢ ОРЛОВОЙ.

Ты взорами орлица,
Достойная отца;
Душею голубица,
Достойная вѣнца.
Пріятности дивятся
Уму и красотамъ,
И въ пляскахъ всѣ стремятся
Лишь по твоимъ слѣдамъ.
Явишься ль въ Петрополѣ,
Побѣды поженешь:
Какъ флотъ отецъ твой въ морѣ,
Такъ ты сердца пожжешь.

LXXVIII.

ДЕРЕВЕНСКАЯ ЖИЗНЬ.

Что нужды мнѣ до града?
Въ деревнѣ я живу.
Мнѣ лентъ и звѣздъ не нада:
Вельможей не слыву;
О томъ лишь я стараюсь,
Чтобъ счастливо прожить;
Со всѣми обнимаюсь,
И всѣхъ хочу любить.
Кто вѣдаетъ, что будетъ?
Сегодни мой лишь день,
А завтра всякъ забудетъ,
И все пройдетъ какъ тѣнь.
Зачѣмъ же мнѣ способну
Минуту потерять,
Печаль и скуку злобну
Пирушкой не прогнать?
Сокровищъ мнѣ не нада:
Богатъ, съ женой коль ладъ;
Богатъ, коль Лель и Лада
Мнѣ дружны, и Усладъ;
Богатъ, коль здравъ, обиленъ,
Могу поѣсть, попить,
Подъ часъ и не безсиленъ
Съ Миленой пошалить.

LXXIX.

ОХОТНИКЪ.

За охотой ты на Званку
Птицъ поѣхалъ постреѣлять;
Но, бѣлянку и смуглянку
Вдругъ увидѣвъ, сталъ вздыхать.

Что такое это значитъ,
Миленькой охотникъ мой?
Ты молчишь, а сердце плачетъ:
Птицы ль не убилъ какой?

Дѣвъ ли остренькіе глазки
Понадѣлали хлопотъ?
Съ ихъ ланитъ, изъ алой краски,
Зрѣлъ я, цѣлился Эротъ.

Какъ же быть? и чѣмъ лечиться?
Птичекъ ты багрилъ въ крови:
И тебѣ пришло томиться
Отъ смертельныя любви.

LXXX.

ОБЪЯВЛЕНІЕ ЛЮБВИ.

Хошь вся шеперь Природа дремлешъ,
Одна моя любовь не спишъ;
Твои движенья, вздохи внемлешъ,
И шолько на шебя глядишъ.

Примѣшь мои шы разговоры,
Помысль о мнѣ на единѣ;
Брось на меня пріяшны взоры,
И нѣжносшью ошвѣшсшвуй мнѣ.

Единымъ ошвѣчай воззрѣньемъ,
И мысль свою мнѣ сообщи:
Что съ шѣмъ сравнишся восхищеньемъ,
Какъ двѣ сольюшся въ насъ души?

Представь въ умѣ сіе блаженсшво,
И ускоряй его вкусишь:
Любовь лишь съ божесшвомъ равенсшво
Намъ можешъ въ жизни сей даришь.

LXXXI.

ПЛАМИДѢ.

Не сожигай меня, Пламида,
Ты тихимъ голубымъ огнемъ
Очей твоихъ; отъ ихъ я вида
Не защищусь теперь ничѣмъ.

Хоть былъ бы я Царемъ вселенной,
Иль самымъ строгимъ мудрецомъ:
Пріятностью, красой сраженной,
Твоимъ былъ узникомъ, рабомъ.

Все — мудрость, скипетръ и державу
Я отдалъ бы любви въ залогъ,
Принесъ тебѣ на жертву славу,
И у твоихъ бы умеръ ногъ.

Но слышу, просишь ты, Пламида,
Въ задатокъ нѣсколько рублей:
Гнушаюсь я торговли вида;
Погасъ огонь въ душѣ моей.

LXXXII.

НИНѢ.

Не лобызай меня такъ страстно,
Такъ часто, нѣжный, милый другъ!
И не нашептывай всечасно
Любовныхъ ласкъ своихъ мнѣ въ слухъ;
Не падай мнѣ на грудь въ восторгахъ;
Обнявъ меня, не обмирай.

Нѣжнѣйшей страсти пламя скромно;
А ежели чрезъ мѣру жжетъ,
И удовольствій чувство полно:
Погаснетъ скоро и пройдетъ.
И, ахъ! тогда придетъ въ мигъ скука,
Остуда, отвращенье къ намъ.

Желаю ль цѣловать стократно;
Но ты цѣлуй меня лишь разъ,
И то пристойно, такъ, безстрастно,
Безъ всякихъ сладостныхъ заразъ,
Какъ братъ сестру свою цѣлуетъ:
То будетъ вѣченъ нашъ союзъ.

LXXXIII.

ВСЕМИЛѢ.

Какая непонятна сила
Изъ устъ твоихъ и изъ очей
Плѣняетъ, юная Всемила!
Царица ты души моей.

Такъ, красота владѣетъ міромъ;
Сердца ей тронъ и олтари;
Ее чтутъ мудрые кумиромъ,
И покланяются Цари.

Прочти дѣянія великихъ:
Всѣ къ нѣжности склоняли слухъ;
Причина подвиговъ толикихъ
Ихъ вкусъ къ добру, ихъ пылкій духъ.

Почто жь, о милое творенье!
Грустишь и тонешь такъ въ слезахъ,
Когда Царей и Царствъ правленье
Въ твоихъ содержится рукахъ?

Увы! прекрасна грудь вздыхаетъ;
Въ слезахъ твердишь ты: «все мечта!»
Такъ! добродѣтелью бываетъ
Сильна лишь женщинъ красота.

LXXXIV.

КРУЖКА.

Краса пирующихъ друзей,
Забавъ и радостей подружка,
Предстань предъ насъ, предстань скорѣй,
Большая сребряная кружка!
Давно ужь намъ въ тебя пора
Пивца налить
И пить:
Ура! ура! ура!

Ты дщерь великаго ковша,
Которымъ предки наши пили;
Веселье ихъ была душа;
Въ пирахъ они счастливо жили.
И намъ, какъ имъ, давно пора
Счастливымъ быть
И пить:
Ура! ура! ура!

Бывало старики въ винѣ
Свое все топопляли горе;
Дралися храбро на войнѣ:
Вѣдь пьянымъ по колѣна море!
Забыть и намъ всю грусть пора,
Отважнымъ быть
И пить:
Ура! ура! ура!

Бывало, дольше длился вѣкъ,
Когда діэтъ не наблюдали;
Былъ здравъ и счастливъ человѣкъ,
Какъ только пили да гуляли.
Давно гулять и намъ пора,
Здоровымъ быть
И пить:
Ура! ура! ура!

Бывало — пляска, рѣзвость, смѣхъ,
Въ хмелю другъ друга обнимаютъ;
Теперь, на мѣсто сихъ утѣхъ,
Жеманствомъ, лаской угощаютъ.
Жеманство намъ прогнать пора,
Но просто жить
И пить:
Ура! ура! ура!

Въ садахъ, бывало, средь прохладъ
И жены съ нами куликаютъ;
А нынѣ клобъ да маскерадъ
И женъ ужь съ нами разлучаютъ.
Французить намъ престать пора,
Но Русь любить
И пить:
Ура! ура! ура!

Бывало, друга своего,
Теперь карманы посѣщаютъ;
Гдѣ вистъ, да банкъ, да макао,
На деньги дружбу тамъ мѣняютъ.

На карты намъ плевать пора,
А скромно жить
И пить:
Ура! ура! ура!

О сладкій дружества союзъ,
Съ гренками пивомъ пѣнна кружка!
Гдѣ ты нашъ услаждаешь вкусъ,
Мила тамъ, весела пирушка.
Пребудь ты къ намъ всегда добра:
Мы станемъ жить
И пить:
Ура! ура! ура!

LXXXV.

ГИМНЪ САФЫ
ВЕНЕРѢ.

Безсмертная Венера!
Всечтимая богиня,
Юпитерова дщерь,
Которая прельщаешь
Сердца всѣхъ земнородныхъ!
Не мучь души моей
Скукъ бременемъ печалей, —
Тебя въ томъ заклинаю;
Но пріиди ко мнѣ,

Какъ приходила прежде,
И именемъ Амура
Услышь мольбу мою,
И будь благопріятна,
И будь мнѣ милосерда,
Какъ нѣкогда была,
Когда ты оставляла
Домъ отчій позлащенный,
И на твоей ко мнѣ
Роскошной колесницѣ
Съ Олимпа низлетала.
Легко съ высотъ ее
По воздуху носили
На рѣзвыхъ, быстрыхъ крыльяхъ,
Порхая, воробьи, —
И кончивъ быстротечно
Свое они рыстанье,
Съ ней возвращались вспять.
Тогда ты, всеблагая!
Своимъ лицемъ небеснымъ,
Осклабясь на меня,
Умильно вопрошала:
О чемъ я такъ тоскую?
Зачѣмъ звала тебя?
И коимъ средствомъ можно
Тревожный, заблужденный
Спокоить разумъ мой?
Кого я, бывъ влюбленна,
Желала бы увѣрить,
Разжалобить, смягчить,
И удержать въ оковахъ?

«Кто тотъ неблагодарный,» —
Ты такъ вѣщала мнѣ: —
«Любезнѣйшая Сафа,
Тебя что презираетъ?
Тебѣ не внемлетъ кто?
Онъ ежели безчувственъ,
Не нѣженъ, не привѣтливъ,
И отъ тебя бѣжитъ:
Самъ бѣгать за тобою,
Искать тебя онъ станетъ:
Когда отвергъ твой даръ,
Пришлетъ тебѣ самъ дары;
Когда тебя не любитъ,
Полюбитъ столько вмигъ,
Сколь ты сама захочешь.» —
И такъ приди, Венера!
Приди ко мнѣ, спаси,
Освободи жестокихъ
Томленій, грусти, муки!
Сверши и увѣнчай
Руки своей ты дѣло!
И все, чего желаешъ,
Дай сердцу моему.
Приди, возьмись, богиня!
Ты заступишь собою
И защитишь меня.

LXXXVI.

ТИШИНА.

Не колыхнетъ Волховъ темный,
Не шелохнетъ лѣсъ и холмъ;
Мещетъ на поля чуть блѣдный
Свѣтъ луна, и спитъ мой домъ.

Какъ, — я мнилъ въ уединеньи, —
Въ хижинѣ быть славну мнѣ?
Не живемъ, живя въ забвеньи:
Что въ могилѣ, то во снѣ.

Нѣтъ! талантъ не увядаетъ
Вѣчнаго забвенья въ тмѣ;
Изъ-подъ спуда онъ сіяетъ:
Я блесну на вышинѣ.

Такъ! пойду хотя въ забаву
За пѣвцомъ Тіискимъ въ слѣдъ,
И снискать его чтобъ славу,
Стану забавлять я свѣтъ;

Стану шуткою влюбляться,
На бумагѣ пить и ѣсть,
Къ милымъ дѣвушкамъ ласкаться,
И въ сѣдинахъ будто цвѣсть.

Я пою, — Пиндъ стала Званка;
Совосплещутъ Музы мнѣ;
Возгремѣла балалайка,
И я славенъ въ тишинѣ!

LXXXVII.

ВНИМАНІЕ.

Тебя какъ Музы слышутъ;
И какъ ты слышишь ихъ,
Пріятностію дышутъ
Въ пріятностяхъ твоихъ.

Эротъ, смотря тихонько,
Сказалъ: «какъ ты мила!»
Будь счастлива имъ столько,
Какъ Музами была.

Любовью ты владѣя,
Прикуй ее къ себѣ,
Чтобы, летать не смѣя,
Привыкнула къ тебѣ;

Привыкла бъ жить съ тобою,
И такъ бы вы сжились,
Какъ бабочка свѣчою,
Собою вы сожглись;

Красавицы, вздыхая,
Завидовали бъ вамъ;
Я пѣсни вамъ слагая,
Слагалъ бы красотамъ, —

Красамъ, хвалу что трубятъ,
И мнѣ, какъ ты, льстя Музъ:
А тѣмъ, кто Музъ не любятъ,
Пѣть пѣсенъ не берусь.

LXXXVIII.

ГИТАРА.

Шестиструнная гитара
У красавицы въ рукахъ,
Громы звучнаго Пиндара
Заглушая на устахъ,
Мнѣ за гласомъ звонкимъ, нѣжнымъ,
Пѣть велитъ любовь.

Я пою подъ миртой мирной,
На красы ея смотря,
Не завидую обширной
Власти самого Царя,
Взглядъ одинъ ея мнѣ нѣжный
Всѣхъ милѣй чиновъ.

Пусть Вожди въ бояхъ дерутся,
Въ думахъ бари брань ведутъ;
Алыхъ устъ ея коснуться,
Вся моя побѣда тутъ:
Поцѣлуй ея мнѣ нѣжный
Выше всѣхъ даровъ.

Пусть Герой свой блескъ сугубитъ,
Ждетъ безсмертія отликъ;
Милая меня коль любитъ,
Мнѣ блаженнѣй вѣка мигъ, —
И ея объятья нѣжны
Всѣхъ свѣтлѣй вѣнцовъ.

LXXXIX.

ШУТОЧНОЕ ЖЕЛАНІЕ.

Если бъ милыя дѣвицы
Такъ могли летать, какъ птицы,
И садились на сучкахъ:
Я желалъ бы быть сучечкомъ,
Чтобы тысячамъ дѣвочкамъ
На моихъ сидѣть вѣтвяхъ.
Пусть сидѣли бы и пѣли,
Вили гнѣзда и свистѣли,
Выводили и птенцовъ;

Никогда бъ я не сгибался, —
Вѣчно ими любовался.
Былъ счастливѣй всѣхъ сучковъ.

XC.

БАБОЧКА.

На цвѣты съ цвѣтовъ летая,
Въ полѣ бабочка живетъ;
Не тоскуя, не вздыхая,
Сладкій медъ одинъ съ нихъ пьетъ.
Что счастливѣе сей доли,
Какъ бы бабочкою быть,
На своей всегда жить волѣ,
И любви лишь сладость пить?
Я бы пилъ, — и, вновь влюбляясь,
Лишь въ весельи дни провелъ,
А съ духами сочетаясь,
Былъ нетлѣнія символъ.

XCI.

КУЗНЕЧИКЪ.

Счастливъ, золотой кузнечикъ,
Что въ лѣсу куешь одинъ!
На цвѣточной сѣвъ лужечикъ,
Пьешь съ нихъ медъ, какъ господинъ;
Всѣмъ любуяся на волѣ,
Воспѣваешь вѣкъ ты свой;
Взглянешь лишь на что ты въ полѣ,
Всѣмъ доволенъ, все съ тобой.
Земледѣльцевъ по сосѣдству
Не обидишь ты ничѣмъ;
Ни къ чьему не льнешь наслѣдству,
Самъ богатъ собою всѣмъ.
Пѣснопѣвецъ тепла лѣта!
Аполлона нѣжный сынъ!
Честный обитатель свѣта,
Всѣми Музами любимъ!
Вдохновенный гласомъ звонкимъ
На землѣ ты знаменитъ;
Чтутъ живые и потомки:
Ты Философъ! ты Піитъ!
Чистъ въ душѣ своей, не злобенъ,
Удивленіе ты намъ:
О! едва ли не подобенъ,
Мой кузнечикъ, ты богамъ!

XCII.

ЛЮБУШКѢ.

Не хочу я быть Протеемъ,
Чтобы оборотнемъ стать;
Невидимкой, или змѣемъ,
Въ теремъ къ дѣвушкамъ летать;
Но желалъ бы я тихонько,
Безъ огласки отъ людей,
Зеркаломъ въ уборной только
Быть у Любушки моей:
Чтобъ она съ умильнымъ взоромъ,
Обращалася ко мнѣ,
Станомъ, поступью, уборомъ
Любовалася во мнѣ;
Иль бы, сдѣлавшись водою,
Я ей тѣло омывалъ;
Вкругъ монистой золотою
Руки блескомъ украшалъ;
Въ видѣ благовонной мази
Умащалъ бы ей власы,
На грудяхъ въ цвѣточной вязи
Оттѣнялъ ея красы;
Иль, обнявши бѣлу шею, —
Былъ жемчугъ ея драгой:
Ставъ хоть обувью твоею,
Жала бъ ты меня ногой.

XCIII.

СТАРИКЪ.

Мнѣ дѣвушки сказали:
«Ты сшаръ, и сѣдъ и лысъ;
Вошъ зеркало,» сказали:
«Возьми и посмошрись.»

— «Чшо нужды мнѣ, не знаю,
Я сшаръ,» — сказалъ — «иль нѣтъ;
Я шолько увѣряю,
Чшо я душой не сѣдъ,

И сшарику нужнѣе
Въ веселіи пожишь,
Приходишъ чѣмъ скорѣе
Меня похоронишь.»

XCIV.

ПЛѢННИКЪ.

Опутавъ Леля Музы
Въ цвѣточномъ тенетѣ,
Стеречь, повергши въ узы,
Вручили Красотѣ.

Ужь Лада ходитъ, проситъ,
Чтобъ ей сыскать его,
И выкупъ знатный носитъ
Съ собою за него.

Но плѣнника пусть долю
Хотъ выкупъ сей прервётъ,
Онъ сладкую неволю
Свободѣ предпочтетъ.

XCV.

ФАЛЬКОНЕТОВЪ КУПИДОНЪ.

Дружеской вчерась мы свалкой
На охоту собрались,
На полу въ избѣ повалкой
Спать на сѣнѣ улеглись.
Въ полночь, самой той порою,
Какъ заснула тишина,
Сребряной на насъ рукою
Сыпала свой свѣтъ луна:
Вдругъ изъ оконъ Лель блестящихъ
Въѣхалъ на лучѣ верхомъ,
И меня нашедъ межъ спящихъ,
Тихо въ бокъ толкнулъ крыломъ.
«Ну,» — сказалъ онъ — «на охоту
Если хочешь, такъ пойдемъ;
Мнѣ оставь стрѣлять заботу,
Ты иди за мной съ мѣшкомъ.»
Всталъ я, и, держась за стѣнку,
Шелъ на цыпкахъ, чуть дышалъ;
За спиной онъ въ тулѣ стрѣлку,
Палецъ на устахъ — держалъ.
Тихой выступкой такою,
Мнилъ онъ, лучше дичь найти;
Мнѣ жь, съ плѣшивой головою,
Какъ слѣпцу, велѣлъ итти:

Шли, — и только наклонились
На гнѣздо младыхъ куницъ;
Молодежь вкругъ засмѣялись, —
Насъ схватили у дѣвицъ.
Испугавшися смертельно,
Камнемъ сталъ мой Купидонъ:
Я проснулся, — радъ безмѣрно,
Что то былъ одинъ лишь сонъ.
Сна однако столь живаго
Голова моя полна;
Вижу въ мраморѣ такаго
Точно Купидона я.
«Не тути, имѣвъ грудь цѣлу,»
Улыбаясь, онъ грозитъ:
«Вмигъ изъ тула выну стрѣлу,»
Слышу, будто говоритъ.

XCVI.

СВОБОДА.

Теплой осени дыханье,
Помаваніе дубовъ,
Тихое листовъ шептанье,
Восклицанье голосовъ
Мнѣ лежащему въ долинѣ
Наводили сладкій сонъ.

Видѣлъ я себя [illegible]
На высокомъ вдругъ холму,
На поля вдали глядящимъ,
На шумящу близь волну, —
И какъ будто въ [illegible] [illegible]
Я [illegible] на [illegible] [illegible].

Дальше — [illegible] [illegible] [illegible]
Иго [illegible] велѣли несть,
Всѣ вѣнцы суля земныя,
Титла, золото и честь.
«Нѣтъ!» — воскликнулъ [illegible] [illegible] глубока,
Я сказалъ [illegible]: — я не хочу;

«Не хочу моей свободы,
Совѣсти на вечны мѣнять:
Гладки воды, коль погоды
Ихъ не могутъ колебать:
Власть тогда моя высока,
Коль я власти не ищу.»

Д. Б.

XCVII.

НА ПАСТУШІЙ БАЛЕТЪ.

На дерну лежа зеленомъ,
Я въ свирѣль мою игралъ;
Въ сердцѣ цѣльномъ, не плѣненномъ,
Я любви еще не зналъ.
Но, откуда ни возьмися,
Подбѣжалъ ко мнѣ дитя:
«Дай свирѣлку, потрудися,
Поучи,» сказалъ, шутя.
Отдалъ я ему свирѣлку,
Началъ онъ въ нее играть;
Поигравъ, мнѣ кинулъ стрѣлку,
Сталъ я съ стрѣлкой той плясать;
И со стрѣлкой таковою
Шестьдесятъ ужъ лѣтъ пляшу:
Не скучаю красотою
И любовь въ душѣ ношу.

XCVIII.

[illegible]МЩЕНІЕ [illegible]

Богъ любви и восхищенья
У пчелы похишилъ сопцъ,
И пчелой за шо въ ошмщенье
Былъ ужаленнымъ Эрошъ.
Вспрепенувшися, несчасшный,
Крадены, сердясь, сошы
Въ розовы усша, прекрасны,
Спряшалъ юной красошы:
«На,» — сказалъ: — « мои хищенья
Ты для памяши возьми,
И ошныне наслажденья
Ты въ усшахъ своихъ храни.»
Съ шехъ поръ Хлою дорогую
Поцелую лишь когда,
Сласть и боль я въ сердце злую
Ощущаю завсегда.
Хлоя, жаля, услаждаешъ,
Какъ пчелиная сшрела:
Медъ и ядъ въ меня вливаешъ,
И, шомя меня, мила.

XCIX.

ЧЕЧОТКА.

На розу сѣвъ, уснула
Чечотка подъ цвѣткомъ;
Едва заря сверкнула
Румянымъ огонькомъ,
Проснулась, встрепенулась:
Жемчужинки лежатъ,
Скорлупка развернулась:
Вкругъ желты крошки спятъ,
Глядятъ и ожидаютъ
Капль сребряной росы,
Что имъ съ листковъ стекаютъ,
Какъ солнечны красы.
Самецъ, прижмясь у вѣтки,
Тихохонько глядитъ.
«Ты милъ, а больше дѣтки,»
Чечотка говоритъ:
«Лети и попекися
Сыскать имъ червячковъ.»
Съ тѣхъ поръ, покой, простися!
Онъ рѣдко межь цвѣтовъ.

С.

РАСПУСКАЮЩАЯСЯ РОЗА.

О цвѣтъ прекрасный, освѣженъ
Поутру перловой росой,
Зефиромъ въ полдень лобызаемъ!
Открой скорѣй румянецъ твой.

Ахъ, нѣтъ! помедль: еще не знаешь
Всѣхъ тварей тлѣнныхъ ты нищеты:
Въ тотъ мигъ, какъ изъ пеленъ проглянешь,
Увы! должна увянуть ты.

И ты цвѣтешь не такъ ли, Хлои?
Не съ тѣмъ ли родилась на свѣтѣ,
Чтобъ всѣхъ прельстя, лишить воли,
И скоро потерять свой цвѣтъ?

Покинь же стебель твой опасный,
Укрась, о роза! Хлоѣ грудь;
Коль ты цвѣтокъ изъ всѣхъ прекрасный,
На ней блаженнѣе всѣхъ будь.

Царицей будь на ней отнынѣ;
Украсивъ грудь, умри на ней:
Завидуя твоей судьбинѣ,
Захочетъ смерти всякъ твоей.

О такъ! немного дней продлится,
Какъ будешь ты на ней блистать!
Благоуханьемъ огнь родится;
По Хлоѣ будетъ всякъ вздыхать.

Вздыхай! плѣняй! тебѣ Лель страстный
Покажетъ скоро путь. — Но знай:
Увеселяя взоръ прекрасный,
Грудь украшай, но сокрывай.

А если наглой кто рукою
Покой дерзнетъ твой возмутить,
Вздохнувъ по мнѣ, спѣши иглою
Твоей сопернику отмстить.

CI.

ЦѢПОЧКА.

Послалъ я средь сего листочка
Изъ мелкихъ колецъ тонку нить:
Искусная сія цѣпочка
Удобна грудь твою покрыть.

Позволь съ нѣжнѣйшимъ дерзновеньемъ
Обнять твою ей шею вкругъ:
Захочешь, — будетъ украшеньемъ;
Не хочешь, — спрячь ее въ сундукъ.

Иной вѣдь на тебя такую
Наложитъ цѣпь, что, ахъ! грузна:
Обдумай мысль сію простую,
Красавица! — и будь умна.

CII.

ВѢЕРЪ.

Когда бъ владѣлъ я цѣлымъ міромъ,
Хотѣлъ бы вѣеромъ симъ быть:
Всѣхъ прохлаждалъ бы я зефиромъ,
И былъ бы всей вселенной щитъ;
А ты, махаясь, Хлоя, мною,
Отъ жара сильнаго дыша,
Какъ солнце бы цвѣла красою,
Моей бывъ тѣнью хороша.

CIII.

КЪ МАТЕРИ,

КОТОРАЯ САМА ВОСПИТЫВАЕТЪ ДѢТЕЙ СВОИХЪ.

Иныхъ веселье убѣгаетъ,
Съ тобой оно живетъ всегда:
Гдѣ разумъ съ красотой блистаетъ,
Тамъ не скучаютъ никогда.

Являя благородны чувства,
Не судишь ты страстей людскихъ;
Обнявъ Науки и Искусства,
Воспитываешь чадъ своихъ.

Въ такомъ уединенный скромномъ
Ты такъ добротами блестишь;
Какъ Ангелъ въ храмѣ благовонномъ,
Всѣмъ обожать себя велишь.

CV.

СОЛОМОНЪ и СУЛАМИТА.

I.

Соломонъ (одинъ).

Зима ужь миновала:
Ни дождь, ни снѣгъ нейдетъ;
Земля зеленой стала,
Синь воздухъ, лугъ цвѣтетъ.

Все взглядъ веселый мещетъ,
Жизнь новую все пьетъ;
Ливанъ по кедрамъ блещетъ,
На листьяхъ липы медъ.

Птицъ нѣжныхъ воздыханье
Несется сквозь листовъ;
Любовь ихъ, лобызанье
Вьетъ гнѣзда для птенцовъ.

Шиповый запахъ съ луга
Дыхаетъ ночь и день:
Приди ко мнѣ, подруга,
Подъ благовонну тѣнь!

Приди плѣнишься пѣньемъ
Небесъ, лѣсовъ, полей,

Да служить и восхвалять
Вкушу красы твоей.

О! какъ мнѣ твой пріятный
Любезенъ милый видъ.
А взоръ, прелестный
Какъ кадитъ во мнѣ лежитъ.

II.

ИХЪ ПЕРЕКЛИКЪ.

Суламита.

Скажи, о другъ души моей!
Подъ коей миртой ты витаешь?
Какой забавитъ соловей?
Гдѣ кедръ, подъ коимъ почиваешь?

Соломонъ.

Когда не знаешь ты сего,
Пастушка милая, — овечекъ
Гони ты стада твоего
На дворъ, что въ рощѣ между рѣчекъ.

Суламита.

Скажи, какой изъ всѣхъ цвѣтовъ
Тебѣ прекраснѣй, благовоннѣй?

Чтобъ не искать межь пастуховъ
Тебя, — и ты бъ былъ мной довольнѣй.

Соломонъ.

Какъ въ домъ войдешь, во всѣхъ восторгъ
Вдохнешь ты тамъ своей красою;
Введетъ Царь дѣву въ свой чертогъ,
Украситъ ризой золотою.

Суламита.

Мнѣ всякой домъ безъ друга пустъ.
Мой другъ прекрасенъ, младъ, умиленъ.
Какъ на грудяхъ онъ розы кустъ;
Какъ виноградъ, онъ крѣпокъ, силенъ.

Соломонъ.

Моей младой подруги видъ
Всѣхъ возвышеннѣй женъ, прекраснѣй.

Суламита.

Какъ горликъ на меня онъ зритъ, —
Въ самой невинности всѣхъ страстнѣй.

Соломонъ.

Она мила, — тѣнистый верхъ
И кедръ на брачный одръ къ намъ клонитъ.

[illegible]

[illegible] — [illegible]
[illegible]

[illegible]

[illegible]

Сколь милый мой прекрасенъ [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

Сколь милый мой прекрасенъ [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
Какъ Май, [illegible]
[illegible]

Сколь милый мой прекрасенъ
[illegible]
Какъ съ гуслями согласенъ.

Такъ онъ со мной во всемъ.
Но гдѣ мой другъ любезный?
Гдѣ сердца моего
Супругъ? Внявъ гласъ мой слезный,
Сыщите мнѣ его.

Сколь милый мой прекрасенъ!
Пошелъ онъ въ садъ цвѣтовъ:
Но вечеръ ужь ненастенъ:
Рветъ розы, знать, съ кустовъ.
Ахъ! нѣтъ со мной, — ищите,
Всѣ кличьте вы его,
Мнѣ душу возвратите;
Умру я безъ него.

IV.

Соломонъ и Суламита (вмѣстѣ).

Положимъ на души печать:
Въ сердцахъ союзомъ утвердимся;
Другъ друга будемъ обожать;
Въ любви своей не премѣнимся.

Хоръ дѣвъ.

Любовь сердцамъ
Какъ медъ сладка,
Любовь душамъ
Какъ смерть крѣпка.

Соломонъ и Суламита (вмѣстѣ).

Лишь ревность намъ страшна, ужасна,
Какъ пламя яро ада мрачна.

Хоръ.

Любовь сердцамъ
Какъ медъ сладка,
Любовь душамъ
Какъ смерть крѣпка.

Соломонъ и Суламита (вмѣстѣ).

Вода не можетъ угасить
Взаимна пламени любови;
Имѣніемъ нельзя купить
Волненья сладостнаго крови.

Хоръ.

Любовь сердцамъ
Какъ медъ сладка,
Любовь душамъ
Какъ смерть крѣпка.

Соломонъ и Суламита (вмѣстѣ).

Лишь ревность намъ страшна, ужасна,
Какъ пламя яро ада мрачна.

Хоръ.

Любовь сердцамъ
Какъ медъ сладка,
Любовь душамъ
Какъ смерть крѣпка.

CVI.

САФЫ

ВТОРЫЙ ПЕРЕВОДЪ.

Счастливъ, подобится въ блаженствѣ тотъ богамъ,
Кто близъ тебя сидитъ и по тебѣ вздыхаетъ,
Съ тобой бесѣдуетъ, тебѣ внимаетъ самъ,
И сладкою твоей улыбкой тайно таетъ.

Я чувствую тотъ мигъ, когда тебя съ нимъ зрю,
Тончайшій огнь и мразъ изъ жилъ текущій въ жилы;
Въ восторгахъ сладостныхъ вся млѣю, вся горю.
Ни словъ не нахожу, ни голоса, ни силы;

Густая темна мгла мой взоръ объемлетъ вкругъ;
Не слышу ничего, не вижу и не знаю:
Въ оцѣпененіи едва дышу, — и вдругъ,
Лишенна чувствъ, дрожу, блѣднѣю,.... умираю.

CVII.

ПЕНИ.

Достигнулъ страшный слухъ ко мнѣ,
Что сталъ ты лживъ и лицемѣренъ;
Въ твоей отеческой странѣ,
О льстецъ! мнѣ сдѣлался невѣренъ.
Тѣ нѣжности, которы мнѣ
Являлъ любви твоей въ огнѣ,
Во страсти новой погружаешь;
О мнѣ не мнишь, не говоришь,
Другой любовь свою даришь,
Меня совсѣмъ позабываешь.

Тѣ рѣчи, тѣ слова въ устахъ,
Меня которыя ласкали;
Тѣ тайны взгляды во очахъ,
Которые меня искали;
Тѣ вздохи пламенной любви,
Тѣ нѣжны чувствія въ крови,
То сердце, что меня любило,
Душа, которая жила,
Чтобъ я душей ея была:
Ахъ! все, все, все мнѣ измѣнило!

Кого жь на свѣтѣ почитать
За справедливаго возможно,
Когда и ты ужь увѣрять
Меня не постыдился ложно?

Ты богъ мой былъ, ты клятву далъ,
Ты нынѣ клятву ту поигралъ. —
О льстецъ, въ злыхъ хитростяхъ отмѣнной!
Но, нѣтъ! не клятвѣ сей
Я вѣрила, — душѣ твоей,
Судивши по своей влюбленной.

Къ несчастію тому, что мнѣ
Ты сталъ толико вѣроломенъ,
Любви неистовой въ огнѣ,
Я слышу, до того нескроменъ,
Что клятвы, славу, честь,
На жертву не страшась принесть,
Все — говорятъ — сказалъ подробно,
Какъ мной любимъ ты страстно былъ.
Любя, любви кто измѣнилъ,
Въ томъ сердце все на злость способно.

А кто одинъ хоть только разъ
Безсовѣстенъ быть смѣлъ душею,
Тотъ всякой день, тотъ всякой часъ
Быть можетъ вѣчно вреденъ ею.
Такъ ты, такъ ты таковъ-то лютъ!—
Ахъ нѣтъ! — Средь самыхъ тѣхъ минутъ,
Когда тебя я ненавижу,
Когда тобою скорбь терплю,
Съ тобой я твой порокъ люблю;
Въ тебѣ еще все прелесть вижу.

Мой свѣтъ! коль ты ко мнѣ простылъ;
Когда тебѣ угодно стало,

Чтобъ сердце, кое ты любилъ,
Тебя ужь больше не прельщало:
Такъ въ тѣ мнѣ скучные часы,
Какъ зришь ужь не во мнѣ красы,
Не мнѣ пріятностьми лаская,
Сидишь съ прелестницей своей:
Отраду дай душѣ моей,
Меня хоть въ мысляхъ воображая.

Представь уста, отколь любовь
Любовными ты пилъ устами;
Представь глаза, мигъ каждый вновь
Отколь мой жаръ ты зрѣлъ очами;
Вообрази тотъ видъ лица,
Что всѣхъ тебѣ Царей вѣнца
И всей пріятнѣй былъ вселенной. —
Ахъ! видъ, тотъ видъ уже не сей:
Лишенная любви твоей,
Я зрю себя всего лишенной.

Жалѣй о мнѣ, — и за любовь
Оставленной твоей любезной,
Прошу, не проливай ты кровь, —
Одной пожертвуй каплей слезной,
Поплачь и потужи, стеня;
Иль хоть обманывай меня:
Скажи, что ты нелицемѣренъ,
Скажи, — и прекрати злой слухъ.
Дражайшій мой любовникъ, другъ!
Коль можно, сдѣлайся мнѣ вѣренъ.

CVIII.

НЕВѢСТѢ.

Хотѣлъ бы похвалить, но чѣмъ начать, не знаю.
Какъ роза, ты нѣжна, какъ Ангелъ, хороша;
Пріятна, какъ Любовь; любезна, какъ Душа;
Ты лучше всѣхъ похвалъ: тебя я обожаю!

Нарядомъ мнятъ придать красавицѣ пріятство
Но льзя ль алмазами милѣй быть дурнотѣ?
Прелестнѣе ты всѣхъ въ невинной простотѣ:
Теряетъ на тебѣ сіяніе богатство.

Лилеи на холмахъ въ груди твоей блистаютъ,
Зефиры кроткіе во нравъ тебѣ даны,
Долинки на щекахъ, улыбки зарь, весны;
На розахъ устъ твоихъ — соты благоухаютъ.

Какъ по челу власы ты разсыпаешь черны,
Румяная заря глядитъ изъ темныхъ тучь;
И понтъ какъ голубой пронзаетъ звѣздный лучь,
Такъ сердца глубину провидитъ взглядъ твой
скромный.

Но я ль, описывать красы твои дерзая,
Всѣ прелести твои изобразить хочу?
Чѣмъ больше я прельщенъ, тѣмъ больше я молчу:
Соборъ въ тебѣ утѣхъ, блаженство вижу рая!

Какъ счастливъ смертный, кто съ тобой
проводитъ время!
Счастливѣе того, кто нравится тебѣ:
Въ благополучіи кого сравню себѣ,
Когда златыхъ оковъ твоихъ несть буду бремя?

CIX.

ПРЕПЯТСТВІЕ КЪ СВИДАНІЮ СЪ СУПРУГОЮ.

Что начать во утѣшенье
Безъ возлюбленной моей?
Сердце! бодрствуй въ сокрушеньѣ:
Я увижусь скоро съ ней.
Мнѣ любезная предстанетъ
Въ прежней нѣжности своей,
И внимать, какъ прежде, станетъ
Нѣжности она моей:
Сколько будетъ разговоровъ!
Сколько радостей прямыхъ!
Сколько милыхъ, сладкихъ взоровъ,
Лучше и утѣхъ самихъ!
Укротися же, стихія!
Подстелися, путь, стопамъ!
Для жены моей младыя
Должно быть послушнымъ вамъ.
Такъ, свирѣпыми волнами

Сколько съ нею ни дѣлюсь,
Имъ на вѣкъ шумѣть со льдами, —
Съ нею вѣченъ мой союзъ.
Не страшился бъ я ввергаться
Въ волны яры для нея;
Но навѣки съ ней разстаться,
Жизнь мнѣ дорога моя.
Жизнь утѣхи и покою!
Возвратись опять ко мнѣ;
Жизнь съ толь милою женою—
Рай во всякой сторонѣ;
Тамъ веселія сердечны,
Сладки, нѣжны чувства тамъ;
Тамъ блаженства безконечны,
Лишь приличныя богамъ.

CX.

ДѢТЯМЪ,

НА КОМЕДІЮ ИХЪ И МАСКЕРАДЪ.

Являлъ недавно сладкій сонъ
Пенея мнѣ долину злачну;
Я зрѣлъ сквозь дебрь древесъ прозрачну:
Игралъ на скрипкѣ Аполлонъ.
Вблизи его Эротовъ тма,
Все душики, всѣ краснощоки,
Крылаты, бѣлы, черноoки,

И Нимфъ прекрасныхъ куперьма
Плясала подъ свирѣльми ихъ;
Всѣ обнимались другъ со другомъ,
И всѣ, рѣзвясь, вершѣлись кругомъ:
Въ восторгѣ былъ я, зря на нихъ!
Хошѣлъ, чтобъ сихъ любви божковъ,
Харишъ толь милыхъ видѣть въ явѣ:
Но что? — въ твоей простой забавѣ,
Съ семьей твоей, я зрю ихъ, Львовъ.

CXI.

НА БАЛЕТЪ

ЗЕФИРЪ и ФЛОРА.

Что за призраки прелестны,
Легки, свѣтлы существа,
Сонмъ эѳирный, сонмъ небесный,
Тѣни, лица божества,
Въ неописанномъ восторгѣ
Мой лелѣютъ, нѣжатъ духъ?
Не боговъ ли я въ чертогѣ? —
Правъ ты, правъ ты, Шведенбургъ!

Вижу холмъ подъ облаками
Озлащаемый лучемъ,
Осѣняемый древами,
Ожурчаемый ключемъ;
Средь сребристыхъ водъ и брегу

Лебедей, дѣтей зрю вдругъ;
Вижу всю Эдемску нѣгу. —
Правъ ты, правъ ты, Шведенбургъ!

Слышу: дышетъ повсемѣстно,
Порхаетъ вкругъ розъ Зефиръ,
Улыбается прелестно
Красота отъ звуковъ лиръ;
Душъ невинныхъ разговоры
Какъ гармонія вокругъ,
Какъ зари ихъ свѣтятъ взоры. —
Правъ ты, правъ ты, Шведенбургъ!

Дремлетъ злоба съ мрачнымъ свойствомъ,
Спитъ, нахмурясь, бранный жаръ;
Миръ, объемляся съ спокойствомъ;
Пьютъ божественный нектаръ;
Духи вверхъ и внизъ шурмуютъ,
Хороводы вьются вкругъ;
Съ дружбою любовь ликуютъ. —
Правъ ты, правъ ты, Шведенбургъ!

Правъ ты, что воображеньемъ
Могъ сихъ таинствъ доходить,
Что мы плоти съ отверженьемъ
Будемъ съ Ангелами жить.
Ахъ! коль ложно это чувство,
Нашъ безсиленъ смертенъ духъ:
Не творило бъ дивъ искусство. —
Правъ ты, правъ ты, Шведенбургъ!

Не могли бъ мы возвышаться
И къ понятію духовъ,
Ихъ блаженствомъ утѣшаться
На земли, средь облаковъ;
Днесь ихъ разность въ томъ лишь съ нами,
Что нашъ связанъ съ тѣломъ духъ;
Будемъ, будемъ мы богами!
Правъ ты, правъ ты, Шведенбургъ!

CXII.

МОИ ГРАЦІИ.

Се дѣвы милыя, что мой склоняютъ духъ
Къ себѣ умомъ, красой и сердца воспитаньемъ:
Любя ихъ каждую, равно всѣхъ любишь вдругъ
Подъ добродѣтели святымъ сіяньемъ.

Важна и весела улыбкой та своей,
Другая кроткихъ чувствъ и въ робости любима,
Плѣняетъ третія огнемъ своихъ очей:
Отъ Ангеловъ стрѣла неизбѣжима.

Златое яблоко прекраснѣйшей изъ нихъ
Бывъ долженъ подарить, я бъ раздѣлилъ на части,
Иль старшая возьми: увѣренъ, что однихъ
Ревнивыхъ склоненъ духъ отмщенья къ страсти.

Взоръ Лизы, какъ эѳиръ: свѣтла ея душа.

Взоръ Вѣры, Паши черпъ, какъ скромна ночь съ
звѣздами.
Амуръ и Гименей! бѣгите къ нимъ спѣша:
Пріяшности во вѣкъ жишь будушъ съ вами.

CXIII.

БЛАЖЕНСТВО СУПРУГИ.

Блаженна та жена, которая изъ круга
Уклоншись роскоши, какъ бы звѣзда въ тѣни,
Въ содружествѣ сесшры, въ объятіи супруга,
Проводитъ въ шишинѣ благословенны дни!
Подъ сѣверомъ сѣдымъ ни мразъ, ни вихрь, ни
вьюга
Не ужасаютъ ихъ; но, лиліямъ они
Подобно сплетшимся среди тѣниста луга,
Лишь непорочности своей цвѣтутъ въ сѣни.
Не въ силахъ возмутить спокойства ихъ шумъ
града,
Ни прихоти богатствъ, ни зависть, ни досада;
Но, бывъ довольными они своей судьбой,
Не ищутъ на земли благъ рая, Альдорада;
Но совѣсть чистая и Небо имъ награда.
Почтенная Ш....! Ты зришь здѣсь образъ свой.

CXIV.

ЛУЧЬ.

Князь-Громъ имѣлъ Умилу,
Прекрасну, нѣжну дочь:
Очей прелестныхъ силу
Кто зрѣлъ, тлѣлъ день и ночь.
У этого жь Князь-Грома
Былъ щитоносецъ, Лучь:
Съ геройствомъ грудь знакома
Не ужасалась тучь;
Ко Князю онъ услуженъ,
Въ опасностяхъ съ нимъ былъ,
И Князь, ему тожь друженъ,
Его за сына чтилъ.

Сосѣдъ тогда Княжною
Плѣнился Вѣтеръ-Ханъ,
Съ влюбленною душою
Простеръ ко браку длань.
Нужна была Князь-Грому
Сосѣда Вѣтра мочь:
Любовнику такому
И обѣщалъ онъ дочь.
Нельзя было тутъ силѣ
Противиться никакъ:
Пришло сказать Умилѣ,
Хоть не по сердцу, — такъ!

Души волненья страстной
Не могъ тутъ Лучь сносить;
За сердце онъ прекрасной
Умилы хочетъ мстить.
Но въ рыцари какъ небомъ
Онъ не былъ посвященъ,
Сражаться Вѣтра съ ревомъ
Природой не рожденъ:
То, чтобъ отцу любезной
Ничѣмъ не согрубить,
Рѣшился огнь свой нѣжной
Въ туманахъ, въ мракахъ скрыть.

CXV.

ПРИЗНАНІЕ.

Не умѣлъ я притворяться,
На святаго походить,
Важнымъ саномъ надуваться,
И Философа брать видъ;
Я любилъ чистосердечье,
Думалъ нравиться лишь имъ:
Умъ и сердце человѣчье
Были Геніемъ моимъ.
Если я блисталъ восторгомъ,
Съ струнъ моихъ огонь летѣлъ, —
Не собой блисталъ я, — Богомъ:
Внѣ себя я Бога пѣлъ.
Если звуки посвящались

Лиры моея Царямъ, —
Добродѣтельми казались
Мнѣ они равны богамъ.
Если за побѣды громки
Я вѣнцы сплеталъ Вождямъ, —
Думалъ перелить въ потомки
Души ихъ я ихъ дѣтямъ.
Если гдѣ Вельможамъ властнымъ
Смѣлъ я правду брякнуть въ слухъ, —
Мнилъ быть сердцемъ безпристрастнымъ
Имъ, Царю, отчизнѣ другъ.
Если жь я и суетою
Самъ былъ свѣта обольщенъ, —
Признаюся, красотою
Бывъ плѣненнымъ, пѣлъ и женъ;
Словомъ: жегъ любви коль пламень,
Падалъ я, вставалъ въ мой вѣкъ:
Брось, мудрецъ, на гробъ мой камень,
Если ты не человѣкъ.

CXVI.

ПЛАЧЬ ЦАРИЦЫ.

Развернулась лишь лилея,
И на солнце стала зрѣть;
Улыбнулася, алѣя,
Только роза, — сѣкла смерть.
Будто мраморна Царица

На супружней выгѣ зришся.
Стонешъ машерь, стонешъ свѣшъ:
Нѣшъ, ахъ! Лизы, Лизы нѣшъ!

Плачешъ добрая Царица:
Рокъ у ней злой дщерь унесъ;
Какъ роса, огнемъ струишся
На ланишахъ капля слезъ,
Скорбь души изображая.
Дщерь бездушну лобызая,
Стонешъ машерь, стонешъ свѣшъ:
Нѣшъ, ахъ! Лизы, Лизы нѣшъ!

Въ одиночесшвѣ, въ разлукѣ,
Какъ супруга нѣшъ со мной,
Кшо мнѣ въ горесши и скукѣ
Собесѣдникъ будешъ мой?
Чей мнѣ взоръ и лепешанье
Вспомнишъ Ангеловъ вишанье? —
Стонешъ машерь, стонешъ свѣшъ:
Нѣшъ, ахъ! Лизы, Лизы нѣшъ!

Кшо Царя во дни унывны
Взглядомъ милымъ озаришъ;
Руки распросшря невинны,
Взяшь на лоно приманишъ?
Ахъ! кшо бранному Герою
Дѣшской чесшь ошдасшъ игрою?
Стонешъ машерь, стонешъ свѣшъ:
Нѣшъ, ахъ! Лизы, Лизы нѣшъ!

Тяжко бремя кто короны
Будетъ нашей облегчать?
Подъ порфирой духа стоны
Упованьемъ услаждать?
Безъ надежды наслажденья
Цѣлый свѣтъ не награжденье.
Стонетъ матерь, стонетъ свѣтъ:
Нѣтъ, ахъ! Лизы, Лизы нѣтъ!

Прочь и скипетръ, и держава,
И блестящій дворскій сонмъ!
Суета и Царска слава,
Если смерть грозитъ серпомъ.
Такъ Царица возглашала
И утѣхамъ не внимала.
Стонетъ матерь, стонетъ свѣтъ:
Нѣтъ, ахъ! Лизы, Лизы нѣтъ!

Но межь ей и межь супруга
Стоя плачуща, Любовь
Лобызаніемъ другъ друга
Утоляетъ смутну кровь.
Весъ народъ, имъ благъ радѣя,
Проситъ: кроткая лилея!
Райскій кринъ! благоухай!
Новые плоды намъ дай.

CXVII.

ОБИТЕЛЬ ДОБРАДЫ.

ПАЛЕМОНЪ.

Среди плетеныя, шиповыя ограды,
Подъ тѣнью липъ, дубовъ,
Между сирень и розовыхъ кустовъ
Домъ благодатныя, неблазныя Добрады,
Богини всякаго добра,
Царицы тмы щедротъ,
Въ полугорѣ стоитъ, и вдаль чрезъ долъ съ высотъ
Блеститъ изъ мрамора столпами;
А передъ ними, какъ сребра
Съ уступами гора,
Шумящій водоскатъ, жемчужными струями
Сверкая, сыплется въ рѣку,
И прогоняетъ дѣвъ задумчивыхъ тоску. —
Здѣсь возвышается олтарь Творцу вселенной,
И обелисковъ рядъ несется къ небесамъ,
Царямъ,
Вождямъ,
Друзьямъ,
Вкругъ благовоніемъ вседневно окуренной;
А тутъ пестрѣются различные цвѣты,
Для вящшей сада красоты
Въ узорчатыхъ грядахъ,
Какъ будто на коврахъ,
Между извилистыхъ, златыхъ тропинъ, песчаныхъ,

По коимъ ходитъ ликъ небесныхъ Валкъ избранныхъ.

На мѣстѣ семъ
Добрада въ обществѣ своемъ,
Во сельской простотѣ, но божеству приличной,—
Во знойный день,
Въ вечерній часъ обычной,
Подъ солнцемъ рощи какъ кидаютъ длинну тѣнь,
И отъ очей за нимъ черепокожна чуда,
Ползуща среди звѣздъ, не зрима ни откуда,
Алѣютъ воды, горы и лѣса,
И въ золотѣ горятъ багрянымъ небеса,
Шумъ тварей тише становится,
И легкій порхаетъ Зефиръ,
Рой насѣкомыхъ, чуть вдали жужжа, толпится,
И клонится къ дремотѣ міръ, —
Возсѣвши на скамьѣ муравчатой, дернистой,
Богиня воздухъ черплетъ чистой,
И смотритъ на свои утучненны стада,
Идущи тяжело съ мычаньемъ изъ долины;
Иль зритъ средь озера стекляныя равнины,
Какъ тихо тянется за лебедемъ бразда;
Иль слушаетъ, склонясь, преливистыя трели,
Какъ изъ-за рощи къ ней
Доходятъ голоса пастушеской свирѣли;
Иль громкой соловей
Какъ торжество своей
Любови страстной воспѣваетъ,
Отрывисто звучитъ,
За громомъ громъ катитъ,
И всю себя внимать Природу заставляетъ;

Попюмъ же, упюмясь,
Свой пише, пише гласъ
Какъ бы спепенно ниспускаешъ,
И сладосшно спеня, въ воспоргѣ умолкаешъ.
А иногда молву
Вкругъ слышишъ по лѣсамъ богиня пшицъ безгнѣздныхъ,
Какъ чадъ своихъ любезныхъ,
Онѣ къ себѣ зовушъ: ау, ау, ау!
Ошъ скучныхъ стоновъ сихъ склоня свою главу,
Подъ часъ задумчиво сидишъ,
Молчишъ;
А эхо шожь: ау, ау!
Безпрерывно повшоряешъ,
Добрадѣ сердце раздираешъ.
Она вздыхаешъ,
Токъ слезный проливаешъ,
И бывши бѣдсшвія и Лизу вспоминаешъ,
Чшо въ Майскій свѣшлый, юный день
Недавно скрылася во смершну шѣнь.
Ее, ошца и машь осшавивши въ печали;
Или грусшишъ,
Печальный кажешъ видъ,
Ошсушсшвенну изъ дали
Любезну дочь свою къ себѣ всечасно ждешъ,
И заунывну пѣснь шакъ про себя поешъ:

Арія.

Богиней я слыву;
Нейдушъ забошы прочь:

Тебя къ себѣ зову;
Приди, любезна дочь!
Ау, ау, ау!

Весна цвѣтитъ траву,
Зимы исчезла мочь:
Тебя къ себѣ зову,
Приди, любезна дочь!
Ау, ау, ау!

Но чувствъ какъ таковыхъ умильныхъ насладится,
Объемлетъ на одрѣ богиню сладкій сонъ;
А Дажь-богъ, сшедъ съ небесъ, къ ней стражемъ
становится,
И осѣняетъ звѣздъ щитомъ.
Валкала ликъ тогда подъ арфой тихострунной,
Какъ шепчущій камышь морской, или ручей
Въ вѣтреноватый часъ, часъ лунной,
Отвсюду ей
Во слухъ гармонію ліетъ,
Дреманье и покой, на вѣжды иглу ведетъ.

Хоръ.

О духи всемірны!
Крилѣ вы эѳирны
Простръте надъ ней;
Струнся, ручей,
Дремоты пріятной!
Душѣ благодатной
Чистой во всемъ,
Зрися рай сномъ.

ДАФНИСЪ.

Надъ злачнымъ садомъ симъ Добрады
Востока днесь злашилась дверь!
Ужь не предвѣстье ль шо отрады?
Не возврашишся ли къ ней дщерь
Изъ дальнихъ, чуждыхъ странъ, изъ области су-
пруга?
Не скажешь ли о шомъ чшо, Палемонъ, намъ шы?

ДАФНА.

Я, я скажу: моя подруга,
Здѣсь рвавши на зарѣ цвѣшы
На поясъ, на вѣнецъ, и какъ ихъ соплешала,
Тихонько на ушко,
Чшобъ не подслушалъ кшо,
Мнѣ шакъ шепшала:
«Сегодня праздникъ у Добрады, —
Пріѣхала къ ней дочь.»
Я вмигъ украдкой прочь
Убѣгла отъ сесшеръ,
Чшобы и мнѣ, въ ея примѣръ,
Украсишь мой нарядъ, и въ день шакой пріяшный,
Толь свѣшлый, милый, благодашный,
Усердья моего всѣхъ больше показашь.
Какъ будушъ дочь и машь
Себя взаимно обнимашь,
И сладку межь собой семейну жизнь вкушашь!

А машь ее
Объемлешъ, къ сердцу прижимаешъ,
И на лицѣ явя веселіе свое,
Разлуку забываешъ.
Природа съ нихъ берешъ другой повсюду видъ,
И вкругъ торжесшвенно сіяньемъ все блесшишъ:
Тамъ горы, шамъ лѣса играюшъ,
Тамъ рыбы вверхъ изъ водъ какъ бы взлешаюшъ,
Сверкая перьемъ, чешуей;
Повсюду, словомъ, все восшоргъ являешъ свой.
Прекрасны дѣвы хороводомъ
И пляшушъ и поюшъ, ея живяся взоромъ.

Арія.

О какъ обишель
Добрады цвѣшешъ!
Всякой въ ней жишель
Блаженно живешъ;
Счасшливо, пріяшно,
Зришъ какъ обрашно
Прибывшу къ ней дщерь. —
Намъ рай здѣсь шеперь!

ПАЛЕМОНЪ.

И о жишьѣ она своемъ
За шридевяшь земель, заморскомъ, разсказала
Тебѣ и всѣмъ?

ДАФНА.

Подробно, все, съ начала
И даже до конца,
Какъ встрѣчена была отъ матери, отца,
Супруга своего, и отъ всего народа;
И какъ отъ хоровода
Всѣхъ тамошнихъ, какихъ-то, Музъ
По тамошнему пѣтъ ей былъ усердный Гимнъ.
Я вытвердить его успѣла наизусть,
И языкомъ своимъ —
Коль Дафнисъ согласится
Со мною потрудиться,
Всѣмъ сердцемъ порадѣть,
То можемъ мы его вдвоемъ здѣсь и пропѣть.

ДАФНИСЪ.

Зачни лишь, Дафна, ты; а я къ тебѣ пристану,
И вторить стану.

Дуэтъ. (*)

ДАФНА И ДАФНИСЪ.

«Вейся, вейся, вѣтвь цвѣтуща,
Блескъ златымъ вѣнцемъ дающа,
Изъ чужаго небосклона
Перенесенна къ намъ на лоно,

(*) *Дуэтъ* сей и *Тріо* переводъ изъ Шиллера.

И съ сладчайшими плодами
Зеленѣй всегда листами!»

Тріо.

ПАЛЕМОНЪ, ДАФНИСЪ И ДАФНА.

«Вейся, вейся, вѣтвь цвѣтуща,
Къ небесамъ главу несуща!
И, дни бурные зимою,
Не касайтесь къ ней косою!»

ПАЛЕМОНЪ.

Когда въ чужомъ ее такъ славили народѣ,
То стыдно будетъ намъ,
Коль въ собственномъ своемъ отечествѣ и родѣ
Мы воли не дадимъ сердцамъ,
И чувствъ своихъ къ отрадѣ,
Сегодня торжества не изъявимъ Доорадѣ.
Поди, о Дафнисъ! поскорѣй,
И предъ олтарь ты къ ней
Сзови всѣхъ пастуховъ съ селеніевъ окружныхъ,
Участниковъ ея щедротъ,
Да въ восклицаніяхъ содружныхъ
Пускай и весь народъ
За здравіе Добрады,
За всѣхъ ея родныхъ
Творцу моленье льетъ,
И восхищенныхъ чувствъ своихъ
Являетъ радость и прохлады.

МОЛИТВА НАРОДА.

О Боже! зри
Мольбы сердечны:
Съ высотъ простри
Дни счастья вѣчны,
И всякихъ золъ
Избавь Добраду;
Царя, престолъ
Прими въ ограду,
И насъ храни:
Дай свѣтлы дни.

ХОРЪ СИРОТЪ.

Ты отъ смерти воскресила,
И изъ праха насъ взяла,
Воспитала, воскормила,
Просвѣщеніе дала.
О Добрада благодатна!
Коль жизнь подданныхъ пріятна,
Гдѣ такъ царствуютъ Цари!
Сирыхъ благодарность зри.

ХОРЪ ДѢВИЦЪ.

Ты нашъ разумъ озарила,
И украсила нашъ нравъ?
Всѣмъ искусствамъ научила,
Вмѣсто матери намъ ставъ.
О Добрада благодатна!

Коль жизнь подданныхъ пріятна,
Гдѣ такъ царствуютъ Цари!
Дѣвъ днесь благодарность зри.

ХОРЪ ВДОВЪ.

Ты насъ дланію покрыла,
Даровала намъ покой,
Жизнь несчастну прекратила
Щедрою твоей рукой.
О Добрада благодатна!
Коль жизнь подданныхъ пріятна,
Гдѣ такъ царствуютъ Цари!
Вдовъ днесь благодарность зри.

ХОРЪ РЕМЕСЛЪ.

Ты искусствомъ надѣлила,
Намъ познанія дала:
Прясть и ткать насъ научила,
Пользу общую ввела.
О Добрада благодатна!
Коль жизнь подданныхъ пріятна,
Гдѣ такъ царствуютъ Цари!
Музъ днесь благодарность зри.

ХОРЪ ОБЩІЙ.

Ты намъ милости являешь,
И щедротами даришь;
Всѣхъ ласкаешь, угощаешь,

По достоинствамъ насъ чтишь.
О Добрада благодатна!
Коль жизнь подданныхъ пріятна,
Гдѣ такъ царствуютъ Цари!
Общу благодарность зри.

ПАЛЕМОНЪ.

Но зрите, какъ сія божественна Царица
Скромна, и все добро лишь для добра творитъ;
Хотя сіяетъ всѣмъ, какъ бы небесъ зарница,
Но взоръ прозрачная тончица (*)
Ея, какъ легкій облакъ, тмитъ,
Когда ей ароматъ съ полсвѣта душъ горитъ.

CXVIII.

ПОМИНКИ.

Побѣдительница смертныхъ,
Не имѣя силъ терпѣть
Красоты побѣдъ несмѣтныхъ,
Поразила Майну, — смерть.
Возрыдали вкругъ Эроты,
Всплакалъ, возрыдалъ и я;
Музы, зря на мрачны ноты,
Пѣли гимнъ ей, и моя
Горесть повторяла лира.
Убѣжала радость прочь;

(*) Тонкое покрывало.

Прелести сокрылись міра;
Тишина и черна ночь
Скушали мой домъ въ запоны,
Отъ земли и отъ небесъ
Слышны эха только стоны;
Плачемъ мы, — и плачетъ лѣсъ;
Воемъ мы, — и воютъ горы.
Плачь сей былъ бы безъ конца,
Если бъ алый лучь Авроры,
Богъ, что свѣтитъ Музъ въ сердца,
Не предсталъ, и мнѣ сіяньемъ
Не влілъ утѣхи въ грудь.
«Помяни,» — рекъ: «возліяньемъ
Доблесть, и покоенъ будь.»
Взялъ я урну, и росами
Чистыми, будто кристаллъ,
Полну наточилъ слезами;
Гробъ обливъ, поцѣловалъ, —
И изъ праха возникаютъ
Се три розы, сплетшись въ кустъ,
Веселятъ, благоухаютъ,
Разгоняютъ мрачну грусть.

CXIX.

АЛЬБАУМЪ.

Когда земны оставишь Царства,
Пойдешь въ Эдемъ, иль Элизей,
Харонъ вопроситъ, иль мытарства,
Изъ жизни, подорожной, сей:
Поэтовъ можешь одобренья
Въ альбаумѣ твоемъ явить;
Духамъ отдавъ ихъ для прочтенья,
Пашпортъ твой ими замѣнишь.
По нихъ тебя узнаютъ тѣни,
Кто ты, и въ свѣтѣ какъ жила;
Твои всѣ чувства, помышленьи
Раскроются, какъ солнцемъ мгла.
Тогда ты можешь оправдаться,
И, ахъ! иль обвиненной быть,
Въ путь правый, лѣвый провождаться,
Святой, иль окаянной слыть:
Тогда черта, взглядъ, вздохъ, цвѣтъ, слово,
Сей книги записной въ листахъ
Духовно примутъ тѣло ново,
И обличатъ тебя въ дѣлахъ
Во всѣхъ часахъ твоихъ, мгновеньяхъ;
Ты станешь на судѣ нагой:
Въ поступкахъ, мысляхъ и движеньяхъ
Мракъ самый будетъ послухъ твой.
Поэтъ, тебя превозносившій,
Прямымъ заговоритъ лицомъ,

Порокъ, иль добродѣтель чтившей
Своимъ возопіетъ листомъ.
Листъ желтый, напримѣръ, надменность
Явитъ, что гордо ты жила;
На синемъ скупость вскрикнетъ, ревность,
Что ты соперницъ врагъ была;
На сребряномъ вструбитъ богатство,
Что ты въ свой вѣкъ прельщалась имъ;
На темномъ зашипитъ лукавство,
Что въ грудь вилась друзьямъ твоимъ;
На аломъ засмѣется радость,
Что весело любила жить;
На розовомъ восплятетъ младость,
Что съ ней хотѣла вѣкъ свой длить;
На глянцоватомъ самолюбье
Улыбкою своей дастъ знать,
Что было зеркало орудье
Красотъ твоихъ, дабы прельщать;
Надежда на листкахъ зеленыхъ
Шепнетъ о всѣхъ твоихъ мечтахъ;
На сѣренькихъ листкахъ смиренныхъ
Печаль завоетъ во слезахъ.
Но Геній, благъ твоихъ свидѣтель,
На бѣлыхъ листьяхъ въ блескѣ словъ
Покажетъ Вѣру, добродѣтель
И безпорочную любовь.

CXX.

ПОСЫЛКА ПЛОДОВЪ.

Когда дѣлящая часы́ небесъ планета,
Къ намъ возвращаяся, приходитъ житъ съ тель-
цомъ:
Отъ пламенныхъ роговъ щедрота льется свѣта,
Міръ облекается и блескомъ и тепломъ.

Не только лишь земля съ наружности одѣта,
Цвѣтами долъ пестритъ и кроетъ злакомъ холмъ,
Но и въ безжизненной внутрь влажности нагрѣта,
Плодотворительнымъ чреватѣетъ лучомъ,
И сими насъ даритъ, другими ли плодами.

Подобна солнцу ты межъ красными женами,
Очей твоихъ лучемъ пронзая сердце мнѣ,
И помыслы родитъ и словеса любовны. —
Но, ахъ! они къ тебѣ колико ни наклонны,
Въ цвѣтущей не живалъ я никогда веснѣ.

CXXI.

ПРОГУЛКА.

Находятся съ такимъ въ Природѣ твари
зрѣньемъ,
Что быстро свой взноситъ на солнце могутъ
взоръ;
Но суть и тѣ, кому лучь вреденъ удареньемъ,
А подъ вечеръ они выходятъ лишь изъ норъ.

Иныя жь нѣкакимъ безумнымъ вожделѣньемъ
И на огонь летятъ, красотъ въ немъ зря соборъ;
Но лишь касаются, сгараютъ мановеньемъ,
И я бѣднякъ сихъ толпъ и образъ и позоръ!

Безсиленъ будучи сноситъ лучи свѣтила,
Которымъ я прельщенъ, ни тѣни, коя бъ скрыла
Меня гдѣ отъ него, ни мѣста я не зрю;
Но съ потупленными, слезящими очами
Влекусь чрезъ силу зрѣть на солнце межь женами,
Не мысля, ахъ! о томъ, хоть ею и сгорю.

CXXII.

ЗАДУМЧИВОСТЬ.

Задумчиво, одинъ, широкими шагами
Хожу, и мѣряю пустыхъ пространство мѣстъ;
Очами мрачными смотрю передъ ногами,
Не зрится ль на пескѣ гдѣ человѣчій слѣдъ.

Увы! я помощи себѣ между людями
Не вижу, не ищу, какъ лишь оставишь свѣтъ;
Веселье коль прошло, грусть обладаетъ нами,
Золъ внутреннихъ печать на взорахъ всякой
чтетъ, —

И, мнится, мнѣ кричатъ долины, рѣки, холмы:
Какимъ огнемъ мой духъ и чувствія жегомы,
И отъ дражайшихъ глазъ что взоръ скрываетъ мой.
Но нѣтъ пустынь такихъ, ни дебрей мрачныхъ,
дальныхъ,
Куда любовь моя въ мечтахъ моихъ печальныхъ
Не приходила бы бесѣдовать со мной.

CXXIII.

ВОДОМЕТЪ.

Лучь шумящій, водометный!
Свыше сыплюща роса!
Гдѣ въ тѣни въ день знойный, лѣтній,
Совершенная краса,
Раскидавъ по дерну члены,
И сквозясь межь струй, вѣтвей,
Сномъ объята, въ видѣ пѣны,
Взглядъ влекла души моей;
Гдѣ на зыблющу склонялись
Лиліи блестящу грудь,
Зарь ихъ розы устъ касались,
И желали къ нимъ прильнуть;
Воздухъ свѣжестью своею
Ей спѣшилъ благоухать;
Травки, смятыя подъ нею,
Не хотѣли возставать;
Гдѣ я очи голубыя
Небесамъ подобно зрѣлъ,
Съ коихъ стрѣлы огневыя
Въ грудь бросалъ мнѣ злобный Лель.
О мѣста, мѣста священны!
Хоть лишенъ я васъ судьбой;
Но прелестны вы, волшебны,
И столь милы мнѣ собой,

Что поднесь о васъ вздыхаю
И забыть никакъ не могъ;
Съ жалобой напоминаю:
Мой послѣдній слышьте вздохъ.

CXXIV.

ВѢНЕЦЪ БЕЗСМЕРТІЯ.

Бесѣдовалъ съ Анакреономъ
Въ пріятномъ я недавно снѣ,
Подъ жаркимъ, свѣтлымъ небосклономъ,
Въ тѣни онъ пальмъ явился мнѣ.

Хариты, вкругъ его, Эроты,
Съ братнною златою Вакхъ,
Ваѳиль прекрасный, въ рощи, гроты
Ходили въ розовыхъ вѣнкахъ.

Онъ дѣвъ плясаньемъ забавлялся,
Тряхнувъ подъ часъ самъ сѣдиной,
На бѣлы груди любовался,
На взоръ метaлъ ихъ пламень свой;

Или, возлегши раменами
На мягки розы, отдыхалъ;
Огнистыми склонясь устами,
Изъ кубка медъ златый вкушалъ;

Иль сидя съ юнымъ другомъ, нѣжнымъ,
Потрепывалъ его рукой,
А взоромъ вкругъ себя прилежнымъ
Искалъ красавицы какой.

Цари къ себѣ его просили,
Поѣсть, попить и погостить,
Таланты злата подносили,
Хотѣли съ нимъ друзьями быть;

Но онъ покой, любовь, свободу
Чинамъ, богатству предпочелъ;
Средь игръ, веселій, хороводу,
Съ красавицами вѣкъ провелъ.

Бесѣдовалъ, рѣзвился съ ними,
Шутилъ, пѣлъ пѣсни и вздыхалъ,
И шутками себѣ такими
Вѣнецъ безсмертія снискалъ.

Посмѣйтесь, красоты Россійски,
Что я въ морозъ, у камелька,
Такъ вами, какъ пѣвецъ Тійскій,
Дерзнулъ себѣ искать вѣнка.

CXXV.

КЪ КРАСАВЦУ.

Фортуна, властною рукою
Бросая жребіи людей,
Души и тѣла красотою
И прелестьми тебя честей
И сердцемъ добрымъ наградила,
Въ любви и въ брани для побѣдъ:
Но тутъ же въ младости сулила
Въ войнѣ тебѣ ужасный вредъ.

Увы! добра и зла смѣшенье
Нераздѣлимо въ жизни сей.
Коль часто скорби и терпѣнье
Есть участь самыхъ и Царей!
Что жь въ свѣтѣ есть славнѣй сей доли,
Какъ кровь по должности пролить?
Теперь и зависть противъ воли
Должна въ тебѣ Героя чтить.

CXXVI.

НОВОСЕЛЬЕ МОЛОДЫХЪ.

Дафнисъ.

Днесь, Дафна! радость намъ, веселье:
Родителей твоихъ, моихъ,
Мы позовемъ на новоселье,
И праздникъ сдѣлаемъ для нихъ.

Дафна.

Изрядно, Дафнисъ! — Я съ цвѣтами
Для нихъ корзинку припасу;
Весь домикъ окурю духами,
И сыръ и масло принесу.

Дафнисъ.

Надѣнь сорочку бѣлоснѣжну;
На грудь двѣ розы приколи,
И ферязь поясомъ зелену,
Подбравъ немного отъ земли,
Устрой такъ къ пляскѣ ножки милы,
Чтобы, подъ пѣсней, козелка
Такъ проплясать тебѣ, какъ крилы
Порхаютъ вешня вѣтерка.

Дафна.

Все будетъ, Дафнисъ. — Ты жь скорѣе
Воздвигнь алтарь, и тѣ на немъ
Цвѣты, плоды, что есть спѣлѣе,
Поставь, да ихъ мы принесемъ
На жертву подъ свирѣльми Пану
За нашихъ здравіе гостей,
И что съ родителями я стану
Вкушать тобой златыхъ токъ дней.

Дафнисъ.

О Дафна милая, драгая,
Другъ сердца, свѣтъ моихъ очей!
Лишь ты, хозяйка молодая,
Моихъ пребудешь счастьемъ дней.

Дафна.

Нѣтъ, ты. — Ахъ, гости дорогïе!
Вы здѣсь? — Родитель нѣжный, мать!
Какія жертвы вамъ другія?
Мы можемъ лишь сердца отдать,
За хлѣбъ и соль намъ принесенны,
За курицу и пѣтуха.

Дафнисъ.

Мы всѣмъ отъ васъ благословенны:
Я вѣрный сынъ вашъ!

Дафна.

Я сноха!

Дафнисъ.

Вы жизнь мнѣ даровали!

Дафна.

Вы въ дочь меня избрали!

Дафнисъ.

Пищали близъ своихъ сердецъ!

Дафна.

Вы счастья нашего вѣнецъ!

Оба.

Примите же благодаренье
Усердныхъ вамъ своихъ дѣтей:
Сей праздникъ, пиръ и новоселье
Вы все, вы все намъ въ жизни сей.

CXXVII.

ВОЛХОВЪ КУБРѢ.

Напрасно, Кубра дорогая,
Поешь о славѣ ты моей;
Прелестна дѣвушка, младая!
Мнѣ пѣть бы о красѣ твоей.

Хотя угрюмъ и важенъ взоромъ
И сѣдина на волосахъ,
Но рѣдко бурями и громомъ
Въ моихъ бушую я лѣсахъ.

Я мирный гражданинъ, торговый,
И безпрестанно въ хлопотахъ;
За старымъ караваномъ новый
Ношу лѣниво на плечахъ;

Наполненъ барками, судами,
На парусахъ и бичевой,
Я Русскихъ пѣсенъ голосами
Увеселяю слухъ лишь свой.

Межь холмиковъ, дубковъ саженыхъ,
Ведетъ полога мурава
Моихъ въ снѣ путниковъ наемныхъ,
Плывущихъ спустя рукава;

Иль видятъ золотыя нивы
То пестроту цвѣтовъ въ лугахъ;
То лучь съ серповъ и косъ игривый
Въ мураленыхъ горитъ водахъ.

Шумящи перловы пороги
Имъ слабо преграждаютъ путь:
Премудро, справедливо боги
Богатство за труды даютъ.

И Бардъ мой съ арфой вещхострунной
Хоть, сидя на холму, поетъ,
Но, представляя вечеръ лунной,
Онъ тихій голосъ издаетъ.

Увы! сколь парусомъ пробѣгшихъ,
На ликахъ шедшихъ зрѣлъ ладей!
И сколько подъ луной умершихъ
Онъ духомъ зритъ своихъ друзей!

Уже и вождь, ногой желѣзной
Ступавшій Александра въ слѣдъ,
Прекрасный человѣкъ, любезной,
Лучь бѣдныхъ — блещетъ между звѣздъ.

И ты, въ Наядахъ бывъ извѣстной,
Не завсегда волной шуми;
Но розовой рукой, прелестной,
Вздохнувъ, Меналка обойми.

Съ Біономъ, Геснеромъ, Марономъ,

Потомства позднягo въ умѣ
Твердясь пастушьимъ, сельскимъ тономъ,
Съ кузнечикомъ свѣтясь во тмѣ.

CXXVIII.

ЦИРЦЕЯ.

На каменной скалѣ, страшилищѣ Природы,
Безплодный, дикій верхъ вознесшей къ небесамъ,
Цирцея слезъ проливъ потокъ,
Отчаянна, блѣдна, дрожаща, полумертва,
Тоски сердечной жертва,
Свой злой оплакивала рокъ.
Тамъ, брося съ высоты бродящій взоръ на воды
Улисса по слѣдамъ,
По тмѣ, по вѣтру, по волнамъ
Бѣгущаго, какъ ей казалось, догоняетъ.
Ужъ видѣть думаетъ, и въ изступленьи семъ,
Какъ бы спокоясь, отдыхаетъ;
Въ прерывчатомъ вздыханіи своемъ
Обратно такъ его, рыдая, призываетъ:
«Рушитель моего покою!
Постой, жестокій! оглянись!
Не жаръ твой раздѣлишь со мною, —
Изъ сожалѣнья возвратись,
И ускори хотя мнѣ смерть!
Любовью сердце умерщвленно,
Но ей еще оно дышитъ.

Тиранъ! ахъ, такъ ли заплаченно
То пламя, что тобой горитъ?
Рушитель моего покою!
Постой, жестокій! оглянись!
Не жаръ твой раздѣлить со мною,
Изъ сожалѣнья возвратись,
И ускори хотя мнѣ смерть!» —
Въ такихъ она словахъ печаль свою являетъ;
Но ко волшебству вмигъ прибѣжище беретъ:
Со воплемъ всѣхъ боговъ изъ ада призываетъ,
Паркъ, Фурій, Немезисъ, Цербера, Флегетона,
Гекату злобную и лютаго Алктона,
Чтобъ возвратили къ ней любви ея предметъ.
Тутъ срубъ на алтарѣ кровавомъ загорѣлся
Снисшедшей молніей, и вмигъ единъ пожерлся;
Пары сгустилися, покрылся мракомъ свѣтъ,
Остановилося теченіе планетъ,
И рѣки съ шумомъ вспять побѣгли въ вихрѣ зѣльномъ;
Въ жилищѣ самъ Плутонъ содрогся подземельномъ.

Столь голосомъ грознымъ
Подвигся весь адъ,
Подъ гуломъ громовымъ
Сводъ звукнулъ Пліадъ;
Завѣса ужасна
Подернула свѣтъ;
Дно тартара мрачна,
Содрогшись, реветъ;
Кипитъ и ярится
Морь бурна волна;

От страху вратится
Кровава луна.

Такое сильное очарованье злобы
Во преисподней всѣхъ встревожило тѣней:
Встаютъ, отъ ужаса оставя сонъ свой, гробы,
И въ воздухѣ вдали, Эреба въ безднѣ всей,
Глухой, унылый вопль, печальны завыванья,
Ревъ, скрежетъ слышанъ ихъ;
И съ ними страшныхъ бурь смѣшенныя свистанья
Исшедшихъ изъ могилъ, вертеповъ, нѣдръ земныхъ.
Но всѣ усилія безплодны сутъ сіи,
О ты, любовница несчастна!
Сильнѣйшему тебя ты божеству подвластна;
Чрезъ чары ты свои
Могла потрясть весь міръ, и молніей ужасной
Зѣвъ ада распалитъ;
Но то, чего не могъ свершить твой взоръ прекрасной,
Не можетъ злобой учинить.
Любовь никакъ нельзя принудить:
Чужихъ она не терпитъ правъ;
Зависѣтъ отъ себя лишь любитъ;
Ей нравится, — лишь милымъ ставъ;
Законъ ся весь свѣтъ плѣняетъ,
Ни чьихъ не вѣдаетъ сама.
Зима поля цвѣтовъ лишаетъ,
Вѣнчаетъ розами весна,
Борей Зефировъ прогоняетъ,
Зефиръ Бореевъ, солнце тма;

А какъ любовь ужь улетаетъ,
Не возвращается она.

CXXIX.

ЗИМА.

Поэтъ.

Что ты, Муза, такъ печальна,
Пригорюнившись, сидишь?
Сквозь окошечка хрустальна,
Склоча волосы, глядишь;
Цитры, флейты и скрыпицы,
Въ бѣлы руки не берешь;
Ни божественной Фелицы,
Ни Плѣниры не поешь?

Муза.

Что мнѣ пѣть? — Ахъ! гдѣ Хариты?
И друзей моихъ ужъ нѣтъ!
Л....., Х...... въ гробѣ скрыты,
За Днѣпромъ К..... живетъ.
В........, лиръ любитель,
Богатырь, пѣвецъ въ кругу,
Беззаботный свѣта житель,
Согнутъ скорбями въ дугу.

Поэтъ.

Да! Фелицы нѣтъ, Плѣниры,
Нѣтъ Харитъ, и нѣтъ друзей:
Звукъ торжественныя лиры
Посвятишь кому твоей!
Посвятишь ли въ честь ты Хлору,
Иль Добрадѣ въ славу ты?
Трубъ у нихъ не слышно хору,
Дни ихъ тихи, какъ листы.

Муза.

Тотъ сидитъ всегда за дѣломъ;
Та покоитъ вдовъ, сиротъ;
Въ покрывалѣ скромномъ, бѣломъ,
Такъ зима готовитъ плодъ.
Не видать ея работы,
Не слыхать ея машинъ;
Но по скукѣ зрятся льготы,
И земля цвѣтетъ какъ кринъ.

Поэтъ.

Между тѣмъ къ намъ, В.....новъ
Ты пріиди хотя согбенъ:
Огнь разложимъ средь каминовъ,
Милыхъ сердцу соберемъ;
И подъ арфой тихогласной
Наливая алый сокъ,

Воспоемъ нашъ хладъ прекрасной:
Дай Зимѣ здоровье, Богъ!

CXXX.

АСПАЗІИ.

Блещетъ Аттика женами;
Всѣхъ Аспазія милѣй:
Черными очей огнями,
Грудью пѣнною своей.
Удивляючи Аѳины,
Превосходитъ всѣхъ собой;
Взоры орли, души львины
Жжетъ, какъ солнце, красотой.

Рѣзвятся вокругъ утѣхи,
Улыбается любовь,
Нѣги, радости и смѣхи,
Плетеницы изъ цвѣтовъ
На героевъ налагаютъ,
И влекутъ сердца къ ней въ плѣнъ;
Мудрецы по ней вздыхаютъ,
И Периклъ въ нее влюбленъ.

Угождаютъ ей Науки,
Дань Художества даютъ;
Мусикійски сладки звуки
Въ взгляды томность ей лiютъ.

Она чувствуетъ, вздыхаетъ, —
Нѣжная видна душа, —
А сама того не знаетъ,
Чѣмъ всѣхъ больше хороша.

Зависть съ злобой, содружася,
Смотрятъ косо на нее;
Съ черной клеветой свіяся,
Уподобяся змѣѣ,
Тонкія кидаютъ жалы,
И винятъ въ хулѣ боговъ.
Ужь Перикла силы малы
Быть щитомъ ей отъ враговъ;

Ужь ведется всенародно
Предъ судей она на судъ;
Злы молвы о ней свободно
Ужь не шепчутъ, — вопіютъ;
Ужь собранье засѣдало;
Ужь Архонты всѣ въ очкахъ;
Но сняла лишь покрывало —
Палъ предъ ней Ареопагъ!

CXXXI.

КЪ МЕЦЕНАТУ.

Сабинскаго вина, простаго,
Немного изъ большихъ кувшиновъ
Днесь выпьешь у меня, Меценъ!
Что самъ на Греческихъ винъ гнѣзда
Наливъ, я засмолилъ въ тотъ день,

Когда, любезнѣйшій мой рыцарь,
Народъ тебя встрѣчалъ въ театрѣ
Со плескомъ рукъ, и громъ отъ хвалъ
Твоихъ съ бреговъ родимыхъ Тибра
Звучалъ, сверхъ Ватиканскихъ горъ.

Ты у себя вино Секубско
И сладки пьешь Калесски соки;
Но у меня ихъ нѣтъ, — и граздъ
Ни Форміанскій, ни Фалернскій
Моихъ не благовонитъ чашъ.

CXXXII.

КЪ БАХУСУ.

Вакха вдали (вѣрь мнѣ потомство!) я видѣлъ
Межь дикихъ онъ скалъ сѣдящій, пѣть училъ пѣсни
Нимфъ, ставшихъ вокругъ, внимавшихъ его, — и вверхъ
Завостренныхъ ушьми козлоногихъ Сатировъ.

Эвоа! дрожитъ еще сердце отъ страха:
Ужасомъ бога исполненно скачетъ оно
Съ радости дикой. — Эванъ! щади, о щади!
Отъ грознаго Тирса я трясусь, цѣпенѣя!

Позволь, да пою я о дерзкихъ Тіадахъ,
О быстротекущемъ винѣ, млечныхъ потокахъ,
И медъ какъ изъ утлыхъ, древесныхъ, дуплистыхъ
Пней каплетъ на землю, извиваясь струями.

Такъ, позволь мнѣ воспѣть и о свѣтломъ вѣнцѣ,
Блестящемъ межь звѣздъ, твоей блаженной супруги,
О страшномъ паденьи жилища Пентея
И о Ѳракійска Ликурга пагубѣ лютой.

Ты волны далекихъ кротишь океановъ,
И, шумный вкругъ холмовъ обтекая пустынныхъ,
Женъ Бостонискихъ переплетше безвредно,
Связуешь власы змѣй ядовитыхъ узлами.

Ты, буйна Гигантовъ вдругъ крамола когда
Верхъ на верхъ по горамъ взгроможденнымъ
взносится,
Къ отчему Царству взнеслась, съ зѣвомъ ужаснымъ
И съ львиными Рета когтями, вспять ниспровергъ.

Отъ всѣхъ хотя ты, какъ искусный плясавецъ,
Въ шуткахъ и играхъ любви способнымъ былъ
признанъ;
Въ браняхъ не меньше потомъ примѣръ далъ собой,
И великъ ты равно, какъ въ бояхъ, такъ и въ мирѣ.

Церберъ, въ рогахъ золотыхъ, зрѣлъ тебя тихо
И ни чуть не взревѣвъ, лишь хвостомъ обвивая,
Съ кротостью ластясь, трехъ языками зѣвовъ
Вкругъ смиренно лизалъ стопы твои и бедры.

CXXXIII.

КЪ ЛИДІИ.

Скажи мнѣ, Лидія, боговъ
Подъ клятвою прошу: почто ты Сибариса
Любя губишь, что нынѣ онъ
Возненавидѣлъ рать, пыль, зной сносить могущій?
Почто, надѣвъ броню, верхомъ
Межъ сверстныхъ всадниковъ не ѣздишъ, и уздою
Стальнозубчатой не кротишъ
Бурливаго коня, всѣхъ яростнѣйша Галловъ?

Зачѣмъ касаться Тибра онъ
Боится желтыхъ волнъ, и отъ борцовъ елея
Бѣжитъ, онъ яда какъ ехиднъ?
Сожженныхъ зноемъ рукъ, оружіе носящихъ,
Зачѣмъ не кажетъ, всѣмъ хвалясь,
Что пращею своей сподвижниковъ всѣхъ далѣй
Онъ за поставленную цѣль
Пребрасывалъ кружцы тяжелые нерѣдко?
И древле, какъ Ѳетидинъ сынъ,
Предъ слезнымъ, жалостнымъ паденьемъ Иліона
Зачѣмъ онъ прячется отъ войскъ,
Чтобъ и его на брань не увлекли съ собою?

CXXXIV.

ПОЛИГИМНІИ.

Муза Эллады, пылкая Сафа,
Сѣверныхъ странъ Полигимнія!
Твоя ли сладкозвучная арфа?
Твои ли то струны злашыя,
Что молніи въ души бросая,
Что громами тихо гремя,
Грудь раздробляютъ мою!

Иль, о румянощока, чернокудра,
Агатовоокая Дѣва!
Ты мнѣ древняго слога премудра

Витіевъ Эольскихъ напѣва
Съ розовыхъ устъ гласъ проливаешь?
Слышу журчащіе токи
И во гармоньи тону!

Такъ, ты, Греко-Россійска Харита,
Вблизи какъ меня возсѣдая,
Коснулась во мнѣ дланью Пінта,
Со мной однодушно дыхая,
Мой гимнъ возглашаючи Богу:
Сердце во мнѣ вспламенялось,
Слезы ручьями лились!

И если бъ мигъ еще продолжила
Твое небозвучное тенье,
Всю жизнь бы мою какъ былье спалила;
Растаялъ бы я въ восхищеньѣ,
Юной красой упояся;
Блаженства снести бы не могъ,
Умеръ, любовью сгорѣвъ.

Но холодная старость, сѣдая,
Блѣднымъ покрывъ щитомъ костянымъ,
Стрѣлы твоихъ очесъ отражая,
Хоть упасть ко стопамъ мнѣ твоимъ
Строго тогда воспретила, —
Избѣгъ я тебя; но твой взглядъ,
Лучь какъ въ льдѣ, блещетъ во мнѣ.

Зрится въ моемъ, горячъ воображеньѣ,
Ахъ! какъ солнце, твоя красота!

Слышу тобой, мое выраженье
И очаровательна мечта
Всю душу мою наполняетъ
Пѣньемъ, твоихъ пѣсенъ моихъ. —
Буду я, буду безсмертенъ!

CXXXV.

ЧЕРТА КЪ БІОГРАФІИ
ДЕРЖАВИНА (*).

Кто велъ его на Геликонъ,
И управлялъ его шаги?
Не школъ витійственныхъ содомъ:
Природа, нужда и враги.

(*) „Объясненіе четырехъ сихъ строкъ," писалъ Г. Р. Державинъ къ Граѳу Д. И. Хвостову: „составить исторію моего стихотворства, причину онаго и необходимость."

CXXXVI.

НА ПТИЧКУ.

Поймали птичку голосисту,
И ну сжимать ее рукой:
Пищитъ бѣдняжка, вмѣсто свисту, —
А ей твердятъ: пой, птичка, пой!

CXXXVII.

ХОРЪ
СЕЛЬСКИХЪ ДѢВУШЕКЪ.

Не на яблонькѣ, не наливное,
Яблочко мило блескъ издаетъ, —
А у бабушки здѣсь родимое
Дитятко, внучка, роза цвѣтетъ!

Что не мѣсяцъ младъ, не за облакомъ,
Съ утренней, красной свѣтлой звѣздой, —
Съ невѣстой женихъ сѣлъ за столикомъ:
Дитятко, внучка! Богъ ужь съ тобой!

CXXXVIII.

НА КРАСАВИЦУ.

Красавица! зря пчелъ вкругъ розы ты, весной,
Представь, что роза ты; а мы, мы всѣ—твой рой.

CXXXIX.

ПЕРВАЯ ПѢСНЯ

ПИНДАРА ПИѲИЧЕСКАЯ.

Златая арфа Аполлона,
Подруга чернокудрыхъ Музъ!
Твоимъ въ молчаньи звукамъ внемлетъ
Монархъ веселья, пляска, ликъ:
Когда же, хоромъ управляя,
Даешь къ совосклицанью знакъ, —
Огнь быстрый, вѣчный, вседробящій,
Ты можешь молньи потушить!

Сидитъ на скипетрѣ Зевеса
Орелъ, пернатыхъ Царь, и внизъ
Спустя высокопарны крылья,
Во сладостномъ забвеньи спитъ.
Пріятна мгла, смежая вѣжди,
Главу его на перси гнетъ;

Бряцаньемъ шихимъ упомленный,
Чушь зыблешся хребешъ его.

Свирѣпый Марсъ склоняешъ долу
Свое кроваво осшрее;
Ушѣхой сердце упоенно,
Смягчась, плѣняешся его.
И самые безсмершны боги
Забавъ сражаюшся ошъ сшрѣлъ,
Какія персшы Феба мещушъ
И нѣжны груди Піеридъ.

Но шошъ, кого Зевесъ не любишъ,
Дрожишъ ошъ звонкихъ пѣсенъ Музъ;
Трепещешъ на землѣ и морѣ
Вся груба, суща шварь ошъ нихъ;
Трепещешъ и Тифей сшоглавый,
Воишель бывый на боговъ:
Наверженъ сшрашною горою,
Онъ въ мрачномъ шаршарѣ лежишъ.

Килькійской оглашенной бездной
Онъ нѣкогда воспишанъ былъ;
Вокругъ его каменно-морскій
Днесь Кумскій и Сицильскій брегъ
Космашу грудь ошягощаешъ;
Сшолпомъ, досягшимъ до небесъ,
Держащимъ на себѣ снѣгъ вѣчный,
Прижашъ, придавленъ Эшной онъ.

Изъ челюсшей своихъ извержешъ

Потоками всежрущій огнь,
Который днемъ сквозь тучи дыма
Сверкаетъ искрами въ аэръ,
А ночью, вихрями крутяся,
Горящимъ каменнымъ дождемъ,
Съ ужаснымъ грохотомъ и ревомъ
Въ морскую глубину падетъ.

Не только зрѣть его ужасно,
Какъ жупелъ онъ Вулкановъ вверхъ
Горящими струитъ рѣками, —
О немъ ужасенъ даже слухъ:
Какъ Этной къ листомрачну верху
И къ дну прикованъ цѣпью онъ,
Изъязвленнымъ хребтомъ простершись,
На терновыхъ лежитъ буграхъ.

О Зевсъ, горы сея Властитель!
Помилуй и спаси чело
Страны богатыя плодами,
Близъ коей соименный градъ
Воздвигъ народовъ поселитель,
И гдѣ въ риссталищѣ Герольдъ
Пиѳійскомъ славу колесницы
Хироновой провозгласилъ!

Какъ въ понтъ пловцы пустясь, ликуютъ,
Зря вздуты вѣтромъ паруса,
Надеждою ихъ сердце льстится,
Что счастливо свой путь свершатъ:
Такъ сихъ торжествъ начало кажетъ,

Что градъ украсясь сей, и впредь
Въ вѣнцѣ побѣдъ, во блескѣ новомъ,
Возликовствуетъ на пирахъ.

О Фебъ! Лицея Повелитель,
Делоса свѣтлый Царь, и другъ
Любимаго тобой потока
Кастальскихъ водъ, съ Парнасскихъ горъ
Текущихъ, о, услышь желанье,
Сей гласъ мой, — и страну сію,
Героями превознесенну,
На сердцѣ напиши твоемъ!

Такъ милостью боговъ единыхъ
И въ добродѣтеляхъ своихъ
Всѣ процвѣтаютъ человѣки!
Блаженства лишь они дождятъ:
Чрезъ нихъ премудрые — премудрость;
Краснорѣчивы — сладость устъ;
Могущіе — ихъ силу стяжутъ,
И всѣ дары текутъ отъ нихъ.

И я, исполнясь ихъ восторгомъ,
Вождѣлѣвая мужа пѣть,
Да брошу сильною рукою
Мое выспрь мѣдное копье,
Которое прямымъ полетомъ
Межъ сподвижниковъ моихъ,
Всѣхъ далѣй, всѣхъ быстрѣй промчася,
Со звукомъ въ мѣту попадетъ.

А ты, о Муза! колесницы
Четвероконной торжеством
Восхити духъ и Диноменовъ:
Не чужда сыну честь отца:

Ему ужь скоро возгласится
И самому мной также пѣснь,
Какъ оному державцу Этны,
Кому Хиронъ воздвигъ сей градъ
Златой свободы на твердынѣ,
По чертежу Хилійскихъ правъ;
И Гераклидовъ родъ, Памфила,
Пребывъ Дорійцами до днесь,

Хранитъ Эгимовы завѣты
Съ тѣхъ самыхъ поръ, когда съ холмовъ
Тагета двигтись, взялъ приступомъ,
Отторгнувъ отъ Амеклы, Пиндъ,
Счастливо ею завладѣвши,
И днесь почтеннѣйшій сосѣдъ
Сталъ бѣлоконнымъ Тиндаридамъ,
И копій звуками цвѣтетъ.

Продли, продли, Зевесъ! тожь счастье
И на Аменовыхъ водахъ,
Да о Князьяхъ и о народѣ
Молва правдивая гремитъ!
Отцемъ возвышенна младаго
Ты самъ Царя сего води,
И старца умудряй маститa
Въ согласьи царства содержать.

Молю тебя, молю, сынъ Хроновъ!
Да страшный ревъ военныхъ трубъ
Спокойства больше не смущаетъ,
Ни Тирянъ, ни Финикѣянъ днесь.
Ты самъ, Зевесъ! при Кумѣ видѣлъ
Кораблегибельный позоръ,
И оному ударъ подобный,
Имъ данный Княземъ Сиракузъ;

Ты зрѣлъ, какъ сильной онъ рукою
Съ смятенныхъ бѣгствомъ кораблей
Свергалъ цвѣтущи войски въ море
И Грецію отъ рабства спасъ!
Пѣснь благодарная Аѳинамъ
Принадлежитъ за Саламинъ:
И я хвалю, не умолкая,
Спартанъ за Китеронскій бой.

О, какъ въ сихъ страшныхъ двухъ сраженьяхъ
Стрѣлами ополченны тмы
Надменныхъ Персовъ упадали!
Какъ на смѣющихся брегахъ
Водами свѣтлыми Химеры
Звукъ Диноменовыхъ сыновъ
Гласится мной, достойно стершихъ
Геройской мышцей полкъ враговъ.

Пѣснь краткую, но содержащу
Въ себѣ дѣлъ более, чѣмъ словъ,
Не столь хулители терзаютъ;
Но нагруженна черезъ край

Вообраҗенье утомляешъ;
И собственныхъ хвала гражданъ
Завистникамъ жметъ тайно сердце:
Коль паче чужеземныхъ честь!

Межь тѣмъ раждатъ пріятнѣй зависть,
Чѣмъ сожалѣнье намъ. — И ты
Не преставай итти въ слѣдъ славѣ:
Рулемъ довѣрья правь народъ,
Судъ искушай въ горнилѣ правды,
Малѣйшу искру отъ Царя
Свѣтъ за большой пожаръ считаешъ;
Тмы вкругъ свидѣтелей тебя.

Ревнуешь ли потомства къ чести?
Будь твердымъ въ подвигахъ благихъ,
И щедрымъ быть не отрекайся;
Но паче, вѣтромъ парусъ твой
Вздувай, подобно мореходцамъ;
Лишь никогда, любезный мой,
Не обольщайся царедворцевъ
Лукавой сладостью словесъ.

Единъ гласъ памяти блаженной
Звучитъ за гробомъ, — и дѣла
Мужей великихъ воскрешаетъ
Во лѣтописцахъ и пѣвцахъ.
Не умретъ Креза добродѣтель;
Но лютый, злобный Фаларисъ,
Людей въ волѣ сжигавшій мѣдномъ,
Не вспоминается добромъ.

Нигдѣ о немъ не звукнетъ арфа;
Ея не вторитъ юныхъ пѣснь:
О! такъ, Хиронъ, вкушенье жизни
Благополучья первый даръ,
Второй же даръ благая слава:
А кто стяжалъ ихъ обоихъ,
Тому судьбы опредѣлили
Всѣхъ превосходнѣйшій вѣнецъ.

CXI.

ПИНДАРОВА

ОЛИМПИЧЕСКАЯ ПЕРВАЯ ПѢСНЬ.

Всѣхъ элементовъ вода превосходнѣй,
Злато богатствъ среди пышныхъ, вельможныхъ,
Какъ между всѣхъ презящнѣе блескомъ,
Пышущу пламени нощью подобно.
Хощешь ли, Муза, побѣды возвысить, —
Звѣздъ не ищи, свѣтозарнѣе тихихъ
Солнца полдневна лучей теплотворныхъ,
Кои, пустыню воздушну протекши,
Міръ освѣщаютъ вокругъ, — и славнѣйшихъ
Ты не ищи же торжествъ Олимпійскихъ.

Душу Поэтовъ они
Пламенемъ всю наполняютъ,
Кронова сына когда,
Сидя Гирона въ чертогахъ,

Счастьемъ, богатствомъ цвѣтущихъ,
Звучно возносятъ, поютъ.

Скиптръ правосудья вращаетъ
Онъ въ многостадной Тринакрѣ,
Доблестей цвѣтъ всѣхъ сбирая,
Блещетъ, красой озаряясь
Пѣсенъ согласныхъ съ музыкой,
Кои мы дружески часто,
Сидя съ нимъ вкругъ за трапезой,
Въ славу ему восклицаемъ.

Снемли съ стѣны сей Дорійскую цитру,
Коль Олимпійскій конь побѣдоносный,
Нынѣ на рыцарскихъ играхъ риставшій,
Сладостнымъ духъ твой плѣняетъ восторгомъ.
О! какъ онъ берегомъ быстро Алфея
Безъ подстреканія гордо, красиво,
Мчалъ Сиракузска Царя конелюбна,
Къ цѣли летя по всему Ипподрому,
Громкой побѣдой межь всѣми блистая,
Честь своему пріобрѣлъ тѣмъ владыкѣ.

Слава донынѣ о немъ
Селы, града пролетаетъ,
Рождшимъ толь много вождей
Лидскимъ Пелопсомъ селенны;
Богъ, препоясавый моремъ
Землю, его возлюбилъ.

Мощный Нептунъ, какъ пылая

Врѣюща свѣтла коноба
Клота его, и ему тутъ
Кости слоновой вложила
Снѣга бѣлѣйшее рамо.
Вѣрь, что чудесность бываетъ:
Сплошь, пестро сказокъ убранство
Нравится болѣе правды.

Прелесть Поэзьи, волшебная сила,
Звукомъ своимъ всѣхъ плѣнитъ, услаждая;
Ризою басню почтенной облекши,
Ложному часто даетъ вѣроятность,
Лучшій свидѣтель грядущее время;
Смертныхъ всѣхъ есть лишь одна принадлежность,
Чтобъ съ умиленьемъ въ сердцѣ глубокимъ
Провозглашать всѣмъ боговъ благостыню.
Если не будетъ кто виннымъ въ чемъ много,
Тотъ и отвѣту подвергнется мало.

Сыне Танталовъ! тебя
Нынѣ воспѣть я намѣренъ,
Прежде не пѣта никѣмъ, —
Твой какъ отецъ на трапезу
Звалъ всѣхъ боговъ въ свой любимый
Градъ, Сипилію, къ себѣ:

Скиптра трезубна Державецъ,
Страстью къ тебѣ вспламеняся,
Взявши тебя какъ добычу,
Зевсу всечтиму далече
На огнеконномъ снарядѣ
Въ свѣтлы взнесъ неба чертоги;

Но для услуги сей самой
Былъ Ганимедъ тамъ ужь прежде.

Бывшу жь тебѣ отъ всѣхъ смертныхъ сокрыту,
Какъ отыскать и посланцамъ родившей
Было тебя уже больше не можно:
Завистью мрачною, злой, воушенны
Тайны сосѣды всѣмъ слухъ распустили,
Будто бы тѣло твое все на части
Было прерублено острой сѣкирой
И во кипящей водѣ разваренно,
Ночью богамъ въ кругу пира носимо;
Сладостно ими, какъ снѣдно, пожерто.

Но возвѣщать мнѣ о томъ,
Будто безсмертные алчны,
Дерзко, безумно, грѣшно; —
Сильно того я страшуся.
Коль богохульниковъ часто
Ярый сражаетъ перунъ!

Чтили ль кого земнородныхъ
Неба блюстители, боги, —
Былъ то Танталъ. — Но, увы! онъ,
Чашей блаженствъ упоенный,
Много собою кичася,
Гнѣвной свелъ мщенье десницы:
Камень надъ нимъ преужасный
Завесъ, яко гору, навѣсилъ.

Вѣчно съ главы его отрѣваетъ,

Тамъ съ нимъ сразяся, побѣду обрящу.
Тридцать ужь имъ жениховъ перебито;
Дочь же его и понынѣ въ невѣстахъ.
Такъ!–лишь опасностей тѣ не встрѣчаютъ,
Коихъ вся въ нѣжности жизнь протекаетъ.

Мнѣ же коль рокъ ужь судилъ,
Чтобъ умереть неизбѣжно,
Вѣкъ свой безславно почто
Мрачности въ нѣдрѣ скрывая,
Дѣлъ уклонятться геройскихъ,
Жизнь всю влачить со стыдомъ?

Нѣтъ! нѣтъ!— иду я сражаться!
Путь лишь открой мнѣ счастливый.»—
Тако вѣщая, — и спѣшно
Душу онъ бога восхитилъ,
Кой, озаряя въ немъ сердце,
Пролилъ сіянье на взоры,
Давъ ему неутомимыхъ
Коней златыхъ съ колесницей.

Отъ Аэмионова гнѣва избѣгши,
Дѣву исторгъ онъ со славой ко браку,
Седмь воевождей ему породившу;
Тщилися чтить всѣ они добродѣтель.
Днесь ему жертвы курятся надгробны,
Кои на брегѣ онъ злачномъ Алфея
Во благолѣпіи внемля, почіетъ.
Холмъ его вкругъ какъ могильный обходятъ,
Тожь и алтарь его въ праздничныхъ играхъ,

Гдѣ собирается сонмъ чужестранцевъ.

Блещетъ далеко Пелопсъ
Славой торжествъ Олимпійскихъ
Со ипподромовъ своихъ;
Сила гдѣ, быстрость ногъ гибкихъ,
Мышцы и жилы напрягшись,
Рьяно вдругъ спорятъ съ собой.

Лучь отъ побѣды награда,
Витязей въ вѣкъ услаждаетъ,
Слаще златаго сота.
Да и кому чѣмъ сей вящше
Радостью льзя наслаждаться,
Какъ не тому, гдѣ вседневно
Съ блескомъ она вспять струится,
И утѣшаетъ насъ снова?

Пѣснью Эольской и мнѣ днесь надлежитъ
Витязя игръ увѣнчать бранноносна,
Конна ристанья по праву извѣстну.
Кто межь гостей здѣсь есть изъ иностранныхъ,
Иль изъ живыхъ гдѣ сутъ люди на свѣтѣ,
Царствъ что въ правленьи, Наукъ и Художествъ,
Во превосходствѣ съ нимъ могъ бы поспорить?
Нѣтъ! не дерзнетъ ужь никто, какъ онъ только,
Быть возвеличенъ подвижниковъ въ ликѣ
Благозвучащими пѣсньми достойно.

Богъ твой покровъ, о Хиронъ!
Нѣжно онъ бдитъ надъ тобою,

Коль онъ не сниметъ впредь длань,
Взыду на красный холмъ Кроновъ
И въ сладкогласнѣйшихъ кликахъ
Бѣгъ колесницъ воспою.

Муза меня окрыляетъ,
Какъ быстролетную стрѣлу;
Взнесся тотъ симъ, а сей онымъ:
Ты же надъ всѣми вершина.
Шествуй же, въ долъ не взирая,
Сей и всегда высотою:
Благо съ тобой жить мнѣ, Витязь!
Грецію пѣсни освѣтятъ.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

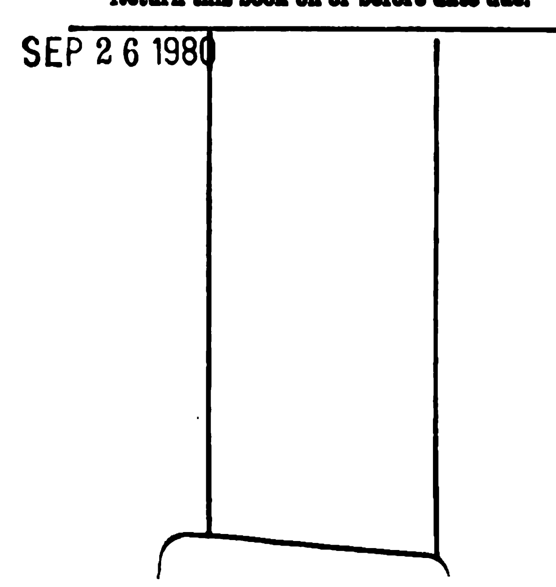
ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

Стран.

Страк.

Stanford University Libraries
3 6105 011 685 927


SEP 2 6 1980